

Администрация Никольского муниципального района
Отдел культуры Никольского муниципального района
Муниципальное казённое учреждение культуры
«Межпоселенческая централизованная библиотечная система
Никольского муниципального района»

ЗВЕЗДА ПОЮЖЬЯ

Литературный альманах

Выпуск № 13

Никольск
2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
343

*Редакционный совет: И. В. Корепина,
И. С. Большакова,
Л. П. Лещуков*

*В оформлении сборника использованы фотографии,
представленные литературными
объединениями Поюжья и ресурсы сети Интернет*

343 Звезда Поюжья: литературный альманах. Вып. 13 /
Адм. Никольск. муниц. р-на, отдел культуры Никольск.
муниц. р-на, МКУК «МЦБС Никольск. муниц. р-на»;
(сост.: И. Большакова). – Никольск, 2015. – 131 с., ил.

В альманах вошли стихи и проза литераторов Поюжья.

Поюжье – территория, объединяющая четыре района, расположенные вдоль реки Юг: Подосиновский район Кировской области, Великоустюгский, Кичменгско-Городецкий и Никольский район Вологодской области.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

© МКУК «Межпоселенческая централизованная
библиотечная система Никольского
муниципального района», 2015

© БУК ВО «Областная универсальная научная
библиотека», 2015

Центр притяжения

В год 70-летия Великой Победы, в Год литературы, на Никольской земле, давшей миру стольких великих людей: военачальников, ученых, поэтов, в очередной раз распахнет двери в мир искусства фестиваль самодеятельного творчества «Славяне Поюжья». Неизменной и главной составляющей фестиваля является литературная встреча авторских коллективов поэтов и прозаиков Поюжья, объединившего земли Никольского, Кичменгско-Городецкого, Великоустюгского районов Вологодской области, Подосиновского района Кировской области.

Поюжье – это давние и прочные связи творческих коллективов, семинары писателей, встречи и издание собственных авторских поэтических сборников, издание коллективного сборника «Звезда Поюжья».

В сборнике «Звезда Поюжья», который выходит в тринадцатый раз, авторы, как и раньше, с обостренным чувством любви пишут о своей родине, о чаяниях и проблемах своих земляков, переживают о том, к чему выпало соприкоснуться душой и сердцем неравнодушным своим.

В коллективном поэтическом сборнике «Звезда Поюжья» отражены произведения известных литераторов Вологодской и Кировской областей, чьи имена титулованы Союзом писателей России, и произведения начинающих авторов, которым всегда открыта дверь в мир литературы, которые всегда смогут получить поддержку и напутствие от земляков и соседей.

«Звезда Поюжья» стала той путеводной звездой для развития детского литературного творчества в районах, стала центром притяжения объединений творческих людей Вологодчины и соседних областей.

С надеждой на доброе будущее альманаха «Звезда Поюжья», желаю литераторам новых творческих решений, новых сборников, воспевающих родину людей, заселивших земли Поюжья.

Глава Никольского муниципального района – В. В. Панов.

Время принимать гостей

Совсем недавно Никольск увез из Великого Устюга заветную ладью – символ фестиваля народного творчества «Славяне Поюжья». Пришло время никольчанам принимать гостей, время создавать альманах с ярким названием «Звезда Поюжья», время создавать лучшие произведения поэтов и прозаиков, живущих вдоль Юга синего, воспевающих свою землю, дом отчий, малую родину, время вспоминать достойнейших и поченных, время поддержать, обогреть добрым словом начинающих авторов, пожелать им удачи доброй и читателя благодарного. Пришло время любоваться изысками прозы и красотой поэзии самобытных, талантливых авторов Никольского, Кичменгско-Городецкого, Великоустюгского районов Вологодской области, Подосиновского района Кировской области. Время вспомнить былое и выбирать новое из творчества мастеров слова, живущих на землях по Югу, объединённых любовью к поэзии, к прозе, объединенных фестивалем.

И быть фестивалю, и светить «Звезде Поюжья», и жить альманаху стихов и прозы талантливых литераторов Поюжья!

Л. Лешуков, руководитель литературного объединения «Откровение», г. Никольск

Никольская центральная районная библиотека им. Т. Н. Потанина

Литературное объединение «Откровение»

г. Никольск Вологодской обл.

Памятник
Александру Яковлевичу Яшину
(1913 - 1968) - известному
русскому писателю и поэту

Ландшафтно-мемориальный
заказник
Бобришный Угор

*На Бобришном Угоре
Воздух свеж, будто в море,
Родниковые зори,
И ни с кем я не в ссоре.
Ни запоров не надо,
Ни замков,
Ни ограды.
Добрым людям избушка
Круглый год будет рада.*

А. Яшин

Николай ТАТАРИН

Ведьма

Рассказ – быль

Работал в ту пору я в районной газете «Авангард». Заглянул как-то к нам в редакцию экс-редактор газеты Николай Иванович Рыжков, возглавлявший на то время одну из газет на далеком Севере. В данный момент он был в отпуске, и решил навестить бывших коллег по работе, а заодно и испросить машину, чтобы съездить на свою малую родину в деревню Кривяцкое. Редакционная машина была в ремонте, и ничего иного мы предложить ему не могли, разве что мою видавшую виды «копеечку» – то есть «Жигули» первой модели. Договорились, что я заберу его в определенное время в условленном месте.

По приезду домой, я рассказал о предстоящем путешествии своей жене. Родом она была из Молдавии, но, волею судьбы оказавшись здесь, очень полюбила наш северный край, а особенно тихую охоту, то бишь – походы за грибами. Купив книгу «Все о грибах», она досконально изучила ее и поняла, что несъедобных грибов у нас практически нет, съедобны даже мухоморы... розовые (прошу не путать с другими во избежание неприятных эксцессов), коими частенько кормила меня, что очень вкусно, кстати.

Так вот, узнав о моей поездке, она не преминула воспользоваться подвернувшимся случаем и выбраться в лес. Решили, что я оставляю ее в лесу возле деревни Байдарово, и пока мы с Николаем Ивановичем ездим по своим делам, она займется сбором грибов.

По прибытии в родные пенаты у Николая Ивановича созрел план – собрать всю свою родню не только с Кривяцкого, а и с ближайших деревень. Ведь по табелю о рангах того времени редактор районной газеты считался известным человеком, к тому же со стажем работы на Севере. Подъезжали от одного дома к другому, заходили и в ходе неспешной беседы излагали суть визита. Мне же

он, как редактор корреспонденту, поставил задачу записывать местные выражения, колоритный деревенский говор.

— Ты слышал, как он сказал? Записывай, записывай! — то и дело говорил он.

Время летело незаметно. Выполнив свою задачу, я уже собирался ехать домой, как ко мне подошли две женщины с просьбой доставить их дочерей до города. Две милые юные девчушки уселись на заднее сиденье моего автомобиля, и я, включив свет фар, двинулся в обратную дорогу. И только тут, когда яркий сноп света фар оттенил глубину надвигающихся сумерек, я вспомнил про собирающую в лесу грибы жену.

После деревни Захарово нужно было поворачивать налево к городу, я же свернул направо к Байдарову. Понимая, что как-то нужно девушкам объяснить свой маневр, я стал им рассказывать про жену, что, дескать, надо забрать там ее. На отворотке, где я ее оставил, никого не было, и я двинулся дальше в лес, поминутно сигналя. Девчонки были уже изрядно напуганы и сидели сзади, тесно прижавшись друг к другу.

— Какая жена, какие грибы, когда вокруг такая темень? Что он нам тут несет? — так, наверное, думали они.

Необходимо было как-то их успокоить, и я, не придумав ничего лучшего, решил пошутить.

— Да вы понимаете, она у меня ведьма. Ее хлебом не корми, дай только по лесу погулять, грибочки, мухоморчики пособирать, а день или ночь — ей все равно.

Говорю им это, а сам в зеркало заднего вида за ним наблюдаю, вижу, что мои объяснения их не успокоили, а еще больше напрягли. И если я еще дальше в лес поеду, то они просто на ходу из машины выпрыгнут. Да и сам понимаю, что в лесу жену искать уже бесполезно, надо поворачивать, пока девчонки не сбежали со страха.

— Да ладно, — говорю, — уже совсем темно, где тут ее найдешь, наверно, решила в лесу с Лешим заночевать, нагуляется, сама придет.

Развернув машину, выезжаю из лесу на большую дорогу. И тут в свете фар от автобусной остановки, в виде корпуса

космической ракеты на старте, отделяется несуразная тень в старом ватнике с платком на голове, завязанным концами к верху, с большой корзиной в руках и огромным сибирским котом на плече, глаза которого горят жутким зеленым огнем. Я не видел и могу только предполагать, как отреагировали на появление этого tandem-ма вконец запуганные девушки, но лично я был нескованно рад. Слава Богу, нашлась таки моя ведьмочка. Да, это была именно она, в смысле — моя жена. А то, что одета непрезентабельно, так оно и понятно, в лесу же — не на балу, да и октябрь на дворе, прохладно уже. А что кот Мейсон на плече — так он всегда ее в подобных прогулках сопровождал. Большой любитель грибов, особенно личик, он их прямо на корню ел, а наевшись носился по лесу, в одно мгновение, взмывая по стволу к верхушкам вековых сосен, и так же самостоятельно спускаясь обратно, в отличие от своих городских сородичей, воспитанных сердобольными старушками, жалобно мяукающих даже на кустарнике высотой в пару метров.

— Ну, как улов? — спросил я, когда жена вместе с котом забралась в машину.

— Да набрала кое-что, включая и твои любимые мухоморчики, сейчас приедем, приготовлю.

Так за разговорами и подъехали к городу.

— Девчонки, вас, где высаживать? — обратился я к попутчицам.

— Здесь, здесь! — хором закричали они, хотя мы еще проезжали мимо деревни Ирданово.

Едва я притормозил, как они выскочили из машины и бросились бежать.

— Что они так перепугались? — спросила жена.

И я рассказал ей всю предысторию.

— Ну, ты молодец! Оставил меня одну в темном лесу, да еще и за ведьму выдал.

Юрий ЗАЙЦЕВ

Пасха

В мире вновь весна настала –
Озарился небосвод.
На столах еды немало –
Пасху празднует народ.
Мы по улице несемся,
Собирая первоцвет,
И от радости смеёмся –
Грусти, в светлый праздник нет!
А канавы солнце просят,
Оголить им берега.
Горной речкою уносят
К Югу талые снега.
Наспех сделаны уроки.
В стол задвинута тетрадь.
Отпусти скорее, мама –
Нас кораблики пускать

Песня о Никольске

1. Юг речка, осинка – России росинка,
Сын Вологды – маленький принц.
Увалы в березках, ты назван Никольском –
Зашитник восточных границ.

Припев:

Никольск – наша Родина, кров родника
Лесного района столица.
В объятьях реки ты живешь, и века –
Мы будем тобою гордиться.

2. Своей красотой ты встречаешь гостей –
Жемчужина яркого света.
Ты вырастил много хороших детей –
Творцов, полководцев, поэтов.

3. Мы будем тобою всегда дорожить.
Дорога не станет нам скользкой.
Под Божьей заботой работать и жить,
Тому, кто родился в Никольске.

«Россияночке» из Нюксеницы

Тону в изяществе стиха!
Откуда это наваждение?!

Душа моя, раскрыв меха,
Поет в приятном наслаждении.
От каждой строчки легкий бриз
Навеет запахом сирени.
Песнь – «Россияночки» сюрприз
Меня поставит на колени.
Вселяя сладостную дрожь,
Любовь, восторг и умиление.
А голос с соловьиным схож –
Ансамбля ангельского пенья.
Я с этим голосом усну
И вновь увижу свет в оконце.
Там встречу вас — нюксян, весну,
Природу в зелени и Солнце.

По жизни строем

С «гражданки» я ушел подранком
В ряды вооруженных сил.
Там никого суровым танком
И пулей-дурой не убил.
В учебке я не стал сержантом –
Но офицером быть хотел.
Вот потому и ставил метки –
Тому, кто честь за деньги съел.
Домой вернулся я солдатом
И не жалею ни о чем.
Не «жополиз» перед комбатом –
Вся служба «в печке кирпичом».
Когда на утреннем разводе
Ребяточок валит солнцепек –
Хоть каждый думал о свободе,
Никто из строя не утек.
Вот так идём по жизни строем –
Теперь в семье я – «генерал».
Дочь взрослая, сынишек трое,
Жена – чистейший минерал.
Надену «маршала» погоны,
Когда приснится первый внук.
И мыслей полные вагоны
Усилят ровный сердца стук.
Ну, а когда внучек родится –
Угомоню свой резвый пыл.
Ведь сам, когда на свет явился –
«Генералиссимусом» был.

Леонид ЛЕШУКОВ

Возвращение

Под шинелью бродил озnob,
И ломалась в полах шинель...
Шел домой я. Мела метель,
Загибая кусты в сугроб.
Ветер вился, выл семижил,
Зарывая в снега пути...
В дом отцовский скорей войти,
Я из вотчин чужих спешил.
Средь деревни, среди берёз –
Дом родительский, милый дом:
В переулке, особняком –
Мой спаситель и скрытник грёз.
Билась выюга о край стрехи,
Завывая, стучая в окно...
...Я на печке лежу давно,
А под крынкой лежат стихи.
В крынке рыжиков, чуть, полста,
На тарелке – солёный груздь.
Ты прочтешь стихи наизусть,
Я на печке усну, устав.
Всё былое, как боль пройдет,
Расплывется, как синь – метель.
И подсохнет за ночь шинель,
Мама свечку, молясь, зажжёт...

Корень

«Нельзя допустить
чтоб народ ушел со своей земли, нельзя!»
В. И. Белов.

Цветом северной брусники
Жизнь рождалась на Земле,
Как слова для Вечной Книги
Или солнышко во мгле.
Я давно живу и знаю:
Крепко стал я на земле.
В поднебесье не летаю,
От хвалебных слов сомлев.
А дела мои разложат
Люди, выставив на суд.
Всё хорошее помножат,
Всё плохое отметут.
И останусь жить с любовью,
И изъяны мне простят,
Крест повешу к изголовью,
Ведь на нем Христос распят.
Сокровенное, святое
Я раздам родным, друзьям.
Напишу стихи в покое,
Коль потянет вновь к стихам.
И отвечу, коль окликнут:
«Крепок корень мой земной,
Как распаренное лыко,
Как Ярило над страной.
И с рождения до тризны
Здесь мой дом, моя стезя.
И нельзя мне без Отчизны,
Без родной земли нельзя!»

Два озера

Опус сей – вымысел лишь,
Читая его, не верьте:
В озере Девы – тиши,
В моём – разгулялись черти.
Над озером тем – свет,
Дева поет с Лелем,
В моем оставляют след
Листьев гнилых прели.
На озере том – мир,
Пары влюбленных в лодках,
А над моим в эфир
Орут луженые глотки.
И берег мой сыр, сыр,
Крест да огонь рядом –
У Девы – горой пир,
Там у неё – радость.
Дни. Череда ночей.
Сутки уходят в годы.
А я копаю ручей,
Чтобы смешались воды.

Гимн города Никольска

1. Огибала Увалы Юг-река торопливо,
Под смолёные струги намывала песок.
И крепились те струги на песчаном отливе:
Возводили славяне у реки городок,
Были предки могучи, были рослы, красивы,
И молились Яриле, став лицом на Восток.
Так живи ты вовеки и во славу России
Русский, северный, скромный, наш родной городок!

Припев:

Наши песни напевны, и поем не вполсилы,
Воспеваем мы в песнях свой лесной уголок.
Так живи ты вовеки и во славу России
Русский, северный, скромный, наш родной городок!

2. Не богатством гордимся, а народом Никольска,

Так когда-то Указом городок нарекли.
Начинался со стругов и с иконы Николы,
Ставший городом лучшим Вологодской земли.
Крупным жемчугом скатным
ты блестишь средь Увалов,
Окаймленный, омытый чистой русской рекой.
Для гостей издалёка, запыленных, усталых,
Ты от сердца большого даришь хлеб и покой.

Припев:

3. Наши храмы святые, очи девичьи сини,

Ты стоишь на распутье трех российских дорог.
Так живи ты вовеки и во славу России
Русский, северный, светлый, наш родной городок

Не отдам!

«Было – было, да прошло,
только памятью – тальянка...»
О. Кульnevская

Не отдам в залог тальянку!

Нищим стану – не продам!
С ней, как раньше, спозаранку,
Я отправлюсь к сплавщикам,
Что по Юг-реке гоняли
До Двины свои плоты.
Отсплавляли, отыграли,
За собой сожгли мосты.

Нет того речного братства,
Рядом крепкого плеча.

Сапоги, багры пылятся.
Чайка снится. Чья ты, чья?

У поюжского починка
Восхваляю край речной

Ты, душевно и с грустинкой
Пой, тальянка, плачь и пой.

Ты, гуляй, ходи по кругу.
Нынче здесь я, завтра там,
Так давай, споем, подруга,
Славу югским сплавщикам.

Реки, реки-северянки,
Уж не плыть большим плотам!
Не продам свою тальянку,
Не продам и не отдам!

Поклонюсь

Напахнуло цветущей смородиной,
Налетела щемящая грусть.

Принимай-ка заблудшего, родина.
Возвращаюсь. Винюсь. Поклонюсь.
Роднику поклонюсь говорливому,
Православным упавшим крестам,
Журавлям за Федюниной Гривою,
И знакомым из детства местам.

Где тропинка петляет за ивами,
Где наш дом – наша малая Русь,
Где такими мы были счастливыми ...
Этой светлой земле поклонюсь.

Ростислав ПАНОВ

Миниатюры

По насту

Днём настолько притаивает, что с крыши каплет. На угретых местах с южной стороны появляются махонькие лужицы. К вечеру похолодаёт, а ночью на небе высыпают бесчисленные звёзды. За вершину далёкой берёзы, что стоит одиноко на холме, зацепляется луна.

Рано утром засобирался в лес.

– Валенки одень, – советует бабушка.

– Так ведь, наверно, ноги будут сырыми.

– Как бы не так, – спокойно ответила та.

И верно, едва я перешёл за окопицу и ступил на снежное покрывало поля, как тут же убедился в бабкиной правоте. Снег сделался за ночь крепким, как асфальт.

– Ну, Жук, – сказал я верному своему спутнику – лохматой собачонке, – по насту мы с тобой даже через болото влеготу перейдём.

Под парусом

Февраль-бокогрей промелькнул, словно тень птицы. В марте день ещё прибыл. Солнечный свет затопил землю. Запела капель. На угревых местах родились первые лужицы. Но к вечеру похолодаёт. Синие тени стерегут дома и деревья. К утру снег настолько твердеет, что по нему можно ходить, не боясь пропасть. Устанавливается наст.

По настоянию бабки, Гриша сходил на ближайшую опушку, принес ей пихтовых лапок. А потом в голову ему пришла счастливая мысль. На широкие охотничьи лыжи положил и крепко закрепил кусок фанеры. На фанере укрепил нечто вроде маленькой мачты с парусом, сшитым из мешков.

Белые, голубоватые заструги – словно застывшие гребни волн. И каждое утро, пока держался наст, Гриша под парусом катался в поле, как по озеру в лодке.

Зеленые занавеси

Хотя и март, но весна по-настоящему не чувствуется. И всё-таки постепенно накапливается сладкая тревога ожидания. Ночью я иногда смотрю на ели. На толстых длинных ветках зелёные занавеси хвои. Под дуновением ветерка они раздвигаются, и тогда видна луна, которая тоже чего-то ждёт, прислушиваясь к дыханию ночи.

Диво дивное

И солнце играло, и день стоял морозный, в воздухе серебрились на ветру редкие, сухие снежинки. Вот одна села мне на ладонь – изумительной красоты работа безвестной кружевницы. Не работа, а диво дивное.

Распускается верба

Иду лесом, уже распахнувшим зимнюю шубу. Снег рыхлый, тяжёлый. Порой останавливаюсь и смотрю, как неторопливо плывут кучевые облака. Разводья между нами васильковые, и то увеличиваются, то сужаются. К полудню тучи ушли, и небо стало похоже на громадное озеро, окончательно освободившееся от льдин.

Очнувшись на его берегу, я, прежде всего, стал бы искать точно такой же лес, а в лесу – вербу. Почувствовав весну, она нынче помолодела. На прутиках – десятки нежных комочков, точно цыпляток, сбежавшихся к наседке.

Последний воз

Зимой дорога была молодая, пахнущая ядерным морозом. А теперь состарилась, вся в глубоких трещинах и наледях.

– Подломились у нее колени, – сказал пожилой мужик, идущий с возом сена.

В полдень дорогу перерезал поток, превратившийся в низине в озерко. В нем плавали клочки сена, упавшего с последнего воза.

Подсобили

Исходала трава у моего знакомого Николая, бывшего колхозного конюха. И то сказать – сенокосное угодье у него располагалось в лесу, на месте старой вырубки, которую он подчищал от поросли каждый год.

Иду я майским днем мимо владений моего знакомого с намерением поискать сморчков в тенистом ельнике. А кротовых бугорков кругом – не счесть. Николай переходит от одного бугорка к другому. Любопытствуя:

– Ты чем занимаешься?

Смеётся:

– Кроты подсобили, поженку мою взрыхлили. Клевер высыпаю. Нагнулся в очередной раз и приткнул несколько семян в кротовый отвал, разровнял.

К сенокосу луг Николая было не узнать от буйного разнотравья.

Слепой дождь

Меня с Гришей дождь пристиг на Животовском озере. На гребне правого высокого берега высились сосны. Внизу под ними густо разрослась ольха. И хотя там, внизу, загадочно чернели омутки, где возились слегка черноватые окуни, удить их было почти невозможно: мешали заросли. Мы выбрали на левом берегу полузаливчик с множеством кувшинок, между которыми имелись оконца воды. Рыба охотно брала, но очень часто запутывала лесу между кувшинками и обрывала крючок. Раздосадованный, я решил сменить удилище на более длинное, чтобы закидывать наживу за черту кувшинок.

Запасное удилище я припрятал на речном мысу, густо затянутом ивняком. Пришлось, скрепя сердце, идти почти за километр. По пути к мысу заметил в траве несколько масляников, не удержался и стал собирать в подол рубашки. Пока искал ранние грибы, прошло достаточно времени. Не заметил, как, откуда ни возьмись, набежала грозовая туча.

Два или три раза ударила за увалами молния, но небо не затянуло. Косая дождевая завеса опрокинулась на

землю, а сквозь нее просвечивало солнце. Казалось, дождь щурился от пронизывающего света. Может, оттого и шел полосами.

Когда я возвращался к озеру, то один край луговины весь был мокрый, а другой слегка тронут дождем.

Осенние ромашки

После сенокоса прошло порядочно времени. Почти весь август не прекращались дожди. В начале сентября выглянуло солнышко. Теплый пар повис над просыхающей землей. Точно на раскаленную каменку в бане плеснули ковш воды. Дай-ка, думаю, схожу на луг, проверю стог сена. Не пролило ли дождем?

Луговина открылась взгляду сочной отавой. Зороды мои не пролило. У последнего из них невольно задержался. Вокруг зорода, во все стороны, разбежались осенние ромашки. Словно миниатюрные подсолнухи. Только лепестки у них были не желтые, а белые.

В последний раз

Иду с Максимкова колодца с водой. Жёлтый лист с соседней березы бесшумно опустился в ведро, словно желая в последний раз напиться.

Патьяна ПАХОЛКОВА

Письмо

НАПИШИ мне письмо из прошедшего лета,
Прямо в жар моих чувств ты его опусти.
НАПИШИ мне письмо и не ведай ответа,
Только это молчанье пойми и прости.

РАССКАЖИ о себе: как живешь-поживаешь,
О полях золотистых от радужной ржи.
И в каких небесах ты упрямо летаешь
Я ПРОШУ тебя, СЛЫШИШЬ, ты мне РАССКАЖИ.

О печалах и скорбях, о тревожных мотивах,
О безумной весне и о зимней тиши.
И о людях, которые рядом – счастливых,
Я ПРОШУ и МОЛЮ тебя, мне НАПИШИ.

Ты пойми, не из низкой и подлой гордыни,
Я тебя написать мне письмо так прошу.
Просто сердце горит, может сердце остынет,
Когда это письмо я к нему положу.

* * *

Пой гармонь, надрывай же меха.
Не жалей ты себя, не жалей.
Плуг паши, да ломай лемеха
Среди голых равнин и полей.
Тает ль снег или падет град,
Ветер дует с неистовой силой.
Или снова шальной листопад –
Все моё и зовется Россией.

Как тревожная песня лугов,
Неуютная тихая вялость.
Бесконечность твоих берегов,
И твоя неземная усталость.
И твоя несказанная грусть,
Что терзала меня и томила.
О, моя деревенская Русь,
За страданья тебя полюбила.

* * *

Помню я, как это было,
Как все было и прошло...
Я тогда тебя любила
Равнодушию назло.
Пеленала свои чувства
Я в стихи от раза в раз.
Не забыть огня и буйства
Мне твоих зеленых глаз.
Как весенними полями
Шли с тобою не спеша
Что-то было между нами,
Может быть моя душа
И болела и любила
Равнодушию назло.
Помню я, как это было,
Это было и прошло...

* * *

Холодным вечером унылым
Смотрю в открытое окно,
Я не была с тобою милой,
Теперь уж быть не суждено.
Навеет ветер думы, думы,
Нет края им, конца не счастья.

Холодным вечером угрюмым,
Одно окно лишь только есть.
Как будто это край вселенной,
Последний омут мой земной,
В который я вступаю тленной,
И удаляюсь в мир иной.
А сумерки все гуще, гуще
И все бледней дорог зигзаг.
О, жизнь моя, терновы пущи,
С тобой не сладить мне никак.
Очнусь от рокового шока,
Приду в себя, воскресну вновь.
Отпряну от открытых окон,
И буду жить не за любовь,
Не за полеты и стремленья,
Не за порывы и дела,
А лишь за то одно виденье,
Когда на миг я умерла...

Сколько...

Сколько минут воспоминаний,
Сколько порывов, мечтаний и грез.
Сколько несказанных мною признаний,
Сколько сказанных слов не всерьез.
Сколько тревог закрывают надежды,
Сколько вести с собою войну?
Сколько идти, так же как прежде
В несуществующую страну?

Павел СОРОКИН

Лечение травами

Навалится забот сплошная череда,
что заросли из ивы и ольхи.
Забудется блокнот, как будто навсегда,
нейдут на ум, не ладятся стихи.

Томит ничтожность тем или избитость рифм,
не нравится ни форма, ни слова.
Возможно, что совсем утерян алгоритм,
утрачены рецепты естества.

Должно быть, порвалась связующая нить
в изменчивой, неведомой судьбе.
Уныние с хандрой не может утолить
ни чарка, ни угодливость толпе.

И падает из рук, порой простой топор,
не держатся стамеска и весло.
И тянет нас опять, судьбе наперекор,
туда, где было просто и светло.

Пойдешь с корзиной в лес знакомою тропой,
пролесками природы и стихий.
Излечится душа, заваришь зверобой
и снова мне напишутся стихи.

Утро летнего дня

Родится новый день из голубого ситца,
а солнце по нему пойдет в привычный путь
над лесом, по полям желтеющей пшеницы,
и радость бытия сожмет, как прежде, грудь.

Я – Здравствуйте – скажу старушке возле дома,
сощурившей свои усталые глаза.
На небо и людей мы взглянем по-другому,
с небес на нас прольётся бирюза.

Наверное, ко всем в летах приходит мудрость,
когда начало дня мы встретим не спеша.
Когда на волосах налет из перламутра
и с возрастом уже умерится душа...

Прокатится гроза, серебряные нити,
в полуденной жаре, по полю и жнивьям.
И к этому всему почувствую наитьем,
что так же, как и все, причастен был и я.

И станет ясен вдруг весь замысел провидца,
создавшего наш мир во славу бытия.
Ах, как же повезло здесь вовремя родиться,
и, к этому всему, участлив был и я!

Запах озона и серы

На тихих равнинах в тенях тополиных
жила беззаботно страна,
А власть и чинуши, циничны, бездушны,
вручали себе ордена.

Но в недрах стоглавых, неброский, лукавый
уже накопился заряд.
В утробе державы, как в лоне шалавы,
невзрачный уродец зачат.

Пока незаметно, ничтожно, безвредно
брожение в шатких умах.
Но ближе и больше в какой-нибудь Польше
озоновый запах и страх!..

И ужас проснется несносен, натружен,
и обликом страшен своим.
И хлынет наружу, майданы утюжа,
круша и дворцы, и режим!

И сносятся стены, и рушатся страны,
дробятся и кости, и плоть.
И слугам и трону на просьбы и стоны
уже не поможет Господь.

Отброшены маски, разбитые каски.
Покинут майданы слепцы.
И сорваны глотки, кормило и шмотки
прихватят опять подлецы.

А свергнутой власти в пришедшей напасти
останется лишь сожалеть,
что был не замечен верхушкой беспечной
заряд, что успел загореть.

Свой путь

Я иду юдолю
не ломаю ветки,
выбираю полем
тропки и пометки.

Легок путь и мило,
и знакомо место,
пашней, без настила,
путь держу на Весту.

Мне везет по жизни,
многое умею
и в своей отчизне
кое-что успею.

Разрушает зависть
желчных, недалеких.
Не привык лукавить.
Не фанат убогих.

Тихо понимаю
тайные причины.
Не пройдет другая
для лжеца личина.

После нас другие
в жизни неумехи
соследу, благие,
бросят наши вехи...

Стежки бережливо
заметет порошкой.
Чтобы быть счастливым,
надо быть хорошим.

Схоластика

Придет пора и время,
настанет верный срок.
Ладья на нужном галсе.
Всевышний тронет темя.
Листок, что не сдавался,
покроет ворох строк...

В закат, что не задался,
уйдут отец и мать.
Ушли в туман года...
И ты начнешь писать,
в том возрасте, когда
другой уж отписался.

Виктор ЦВЕТКОВ

* * *

Я полон сил... Я радуюсь весне...
И знаю точно, что со мною будет
и ни какой там «дьявол в колесе»
мою любовь к Отчизне не остынет.

И пусть кричат на перекрёстке дней,
что наша жизнь привольна и прекрасна.
Но вижу я, как в нашей стороне,
в деревне печь последняя погасла.

Я как-то обронил вопрос
торговке, не весьма приличный:
– Скажи, в чём выгода для нас –
кормить свиней картошкой заграницей?

Ответ до одури был прост,
иль, может мне, всё это снится?
– Зачем нам сеять и пахать?
К услугам нашим – заграница...

Кто скажет мне, – какого же рожна?
порушив всё – уклады и устои,
крестьянин должен жить от топора,
а не от пашен, луга, и коровен?

И страждёт лес, роняя щепки слёз,
в когда-то златокроные сузёмы...
Не от того ль над бархатом берёз,
всё чаще землю сотрясают громы?

Я в детстве верил в сказок чудеса,
но и теперь я безоглядно верю –
наступит та, счастливая пора,
которой жизнь свою я мерю.

Безумная ночь...

Так давно я мечтал о тебе...
Ты пришла не во сне – наяву.
В этот миг вдруг почудилось мне,
Лишь тебя я своей назову.

Стан рыбацкий над сонной рекой
Поглотила безумная ночь ...
Миг любви – разделённый с тобой,
Мне из сердца не вытравить прочь.

Тишина... Лишь в заснувшей реке
Всплески рыбы в круtyх омутах...
Счастлив был я с тобой на заре
И готов был носить на руках.

Встало солнце, умывшись в росе,
Ожила травянистая падь ...
О твоей, не земной красоте
Будут липы мне нежно шептать...

Будут липы шептать и цветы ...
Будет песни слагать – соловей!
... Счастлив я, что со мной была ты
И тебя – называл я своей.

* * *

В златом вытканный лес,
От деревни, задами,
Пьян от сини небес
Уброжу за грибами.

Поводырь – посошок
Указывает дорогу,
Где от дум и тревог
Отдохну я немного.

Боровик и волнушку
Положу я в лукошко...
Лучик – в капле росы –
В память детства окошко.

Я поклоном земным
Груздь приветствую в чаще,
Взглядом рвусь в облака
Вслед за стаей летящей.

Помашу ей рукой –
Будьте счастливы птицы,
Постарайтесь весной
В отчий край возвратитьсь

Много ль надо душе
От заботы уставшей –
Лёгкий сон в шалаше
Над речушкой ворчащей.

Да немного тепла,
Что согреет мне душу...
У ночного костра
Шёпот вечности слушать

Одиночество

В крайнем доме села занавешены окна,
Под окошком клубится сиреневый дым.
Отшумевшая юность ночами мне снится.
Днём не вспомню себя — был ли я молодым?

Рвут листву с тополей ошалелые ветры,
Запоздалая осень распахнутым ставнем скрипит.
В крайнем доме села без надежды и веры,
В ожиданье гостей одиночество чьё-то не спит.

В полу сумрак ночной упливают тяжёлые мысли,
Где, в какой стороне, заблудились её сыновья?
Но безмолвны в руках пожелтевшие снимки
И целует их нежно материнский,

За окном ни шагов, и не скрипнет калитка,
Лишь в ночи, отдалённый, след упавшей звезды,
Да щемящая боль за судьбу с фотоснимка,
Ла не высохших слёз под глазами следы

В крайнем доме села безнадёжность,
тоска и усталость,
У оплавившей свечи коротают мятежную ночь...
...За окошком метель гостьей в дверь постучалась
И, калиткою скрипнув, умчалась испуганно прочь.

Не тужи...

Ростиславу Панову

Не тужи, дружище, не тужи,
Мы с тобой ещё пока что живы.
Видишь? – в небо врезались стрижи
И кружат над рощею играво.

Не тужи... Уже пришла весна,
По округе гулок звон капели
И в садах – теперь уж не до сна –
Не смолкают ночью птичьи трели.

Не тужи... Вот вскроет ледоход
Рек набухших струистые воды,
Мы с тобой отправимся в поход,
Радуясь превратностям погоды.

Мы уйдём к зелёным берегам,
Проберёмся к омутам заветным,
Голавлей – не счесть их сколько там –
Накукинам с отблеском рассветным.

Не тужи, дружище, не тужи,
Мы ещё живём и будем живы.
Поздно нам сворачивать с пути,
Что нам предки наши проложили.

Оксана ШПИЛЬКО

«Семь дней и ночей скиталась
по лесу моя душа,
в окошко твоё стучалась
от стужи ночной дрожа...»
В. Туинова

Город заснеженный,
Люди унылые,
Каждый куда-то спешит.
Скукой поверженный
Глохнет рассудок мой,
Тело мало для души.

Рвется душа моя
Сквозь все сомнения
Прочь...
Тихая самая
Бродит видением
Ночь...

Где побывала?
Что ты видела?
Скажи, не молчи!
Впрочем, не нужно,
Я всё поняла.
Как сердце стучит...

Стих мой

Черным по белому,
по снегу первому –
мой след.

Яркой звездой с небес
слепой полуночью –
мой свет.

Шелестом книжных крыл,
чернильным шорохом –
слух мой.

Молнии всполохом,
вспорхнувшей птицею –
стих мой.

Кичменгско - Городецкая
центральная межпоселенческая библиотека

*Литературное объединение
«Истоки»*

*с. Кичменгский Городок
Вологодской обл.*

Михаил Геннадьевич Жаравин
(1959 - 1995) - поэт, прозаик

д. Еловино Кичм. - Городецкого
района - родина писателя

*Я широко ходил тобой, земля,
Но мест дороже всё-таки не знаю...*

М. Жаравин

Александр БУБНОВ

Посвящается туристам – водникам

1. От переката до переката
Лопатят воду наши ребята.
Мелькают вёсла, вода искрится,
Всё это ночью нам будет сниться.

Припев:

На Падуне, на Падуне
Немного страшно было мне.
И как во сне, и как во сне
Качался я на буруне.

2. Река бушует, бросает каты,
От камня к камню идут ребята.
Одни гребут, одни табанят,
А вечер встречают в походной бане.

3. Чаёк походный хорош на славу
Тушёнка с гречей на всю ораву.
Нет оснований у нас для скуки
К костру поближе, гитару в руки.

4. Домой вернёмся, рюкзак на полку,
Пропахли дымом «речные волки».
Обнимем близких, отмоем тело
Всё завершится, такое дело.

Патьяна ВЕПРОВА

* * *

В ладонях протянутых – хрупкая нежность
Цветочным бутоном. А я – отвергаю.
В глазах – робкой грусти февральская снежность
И… лучик надежды. А я – убегаю.

А я убегаю, боясь прикоснуться
К желанному, теплому, светлому счастью,
Боясь передумать и в беге споткнуться,
Ведь разум над сердцем порою не властен.

Все вижу. Все знаю. И все понимаю…
Да только себе изменить я не в силах!
И вот – отвергаю. И вот – убегаю.
Хоть, кажется, небо о счастье просила…

Осенняя мелодия

Мне поют небеса
Нежной арфой дождя –
Умывается день мягкой просинью.
Бродит грусть по лесам,
Тишину бередя
Золотыми аккордами осени.

Эта грусть разлилась
По уснувшим лугам,
По туманам над серыми нивами,
С птичьим криком сплелась
И течет в берегах
Сонной речки с поникшими ивами.
Как светла и чиста
Поднебесная высь,
Как пронзительна синь над просторами!
И на нотных листах
В тихом вальсе слились,
Закружились миноры с мажорами.

Этот нежный мотив
Унесут журавли
В край далекий. С попутными ветрами
В этот край улетит
И растает вдали
Легким облачком грусть моя светлая…

Бирюзовая Русь

Бирюзовая, березовая Русь,
В бирюзе твоей я птицей растворюсь
И березкам белым в пояс поклонюсь,
Ты – любовь моя, надежда, боль и грусть.
*Ты – любовь моя, надежда, боль и грусть,
Бирюзовая, березовая Русь!*

Нежность песни русской я тебе несу –
Я пою твою и силу, и красу,
И тропинку торопливую в лесу,
А еще – в ладошках клевера росу.
*Я пою в ладошках клевера росу –
Нежность песни русской я тебе несу!*

В этой песне горько плачут журавли,
Заалел закатом зимний лес вдали,
И пригорки земляникой зацвели,
А колосья хлеба гнутся до земли.
*А колосья хлеба гнутся до земли,
Но о чем-то снова плачут журавли.*

Бирюзовая, березовая Русь,
На тебя гляжу и все не нагляжуясь,
Из ключей студёных силушки напьюсь,
Я твоей святой молитвою держусь...
*Я твоей святой молитвою держусь,
Бирюзовая, березовая Русь!*

Сергей ДОРОЖКОВСКИЙ

* * *

Здравствуй, утреннее солнышко!
Подари же ясный свет,
Так, чтоб золотое брёвнышко
Засветилось вдруг в ответ!

Ставлю светлый дом под сосновами
На пригорке над рекой...
Хорошо такими вёснами
Дом рубить своей рукой!

Для меня с тобой, любимая,
Чтоб любовь твою сберечь,
Чтобы всё плохое – мимо, я
В доме том поставлю печь!

А в соседи люди добрые
Попадутся невзначай...
Принесём водички вёдрами
Для хозяйства и на чай...

Пусть живут в семье под сосновами
Сын и дочка... Нет, постой! –
Два сыночка, дочка с косами,
И ромашковый настой!

Пусть гудит на счастье нам с тобой
Жёлтый шмель в траве густой...
Мы над речкой, речкой голубой
Станем жизнью жить простой!

* * *

Два часа занимался рассадой –
На подходе чудесные дни.
Люди все по – субботнему рады
И на дачи стремятся они!

А за городом, в дачном посёлке,
Где у озера стройный камыш,
В синих лужицах – солнца осколки,
И такая пока ещё тиши!

Вот сосед, фронтовик, на « Волге ».
Помогаю багажник открыть.
Как всегда, он зайдёт ненадолго
Отдышаться и перекурить.

Славный деда. А мне его жалко –
За одышку его, за бушлат,
За походку с какою - то палкой,
За слова его – невпопад!

За невзрачного цвета машину,
За изношенность и старину...
Дай им, Господи, тёплого лета,
Мужикам, одолевшим войну!

* * *

А с родины тебе большой привет!
Соседи тебя хвалят, вспоминая...
Хотя прошло уже немало лет,
И стала жизнь в селе совсем иная!

Не видно стада медленных коров,
Ведь нет их ни у нас, ни у соседа,

Зато всё точно так же на Покров –
На кладбище – поминки до обеда.

Перевелись в деревне петухи,
И птицы вымирающего рода
За наши непомерные грехи
Нам не поют сегодня с огорода!

Дороги, правда, лучше нынче, да,
Но что в них толку – мы их долго ждали!
И уходили люди навсегда,
За лучшей долей в город уезжали.

И вот в селе не стало ни рожна –
Колхозов нет, нет пашен, урожая!
Ты боль моя, родная сторона!
Родная... Нет, уже почти – чужая!

* * *

От чего – то самым близким поневоле,
Людям тем, любовью чьею дорожим,
Мы порой приносим в жизни больше боли,
Чем случайным абсолютно и чужим!

Может быть, слова обидные прощая,
Они любят нас такими, как мы есть.
Просто любят, ничего не обещая,
Просто мы для них, как радостная весть!

...Принесу цветов сиреневых из чаши
Папе, маме, брату, тёще и жене.
– Вы не думайте, что я совсем пропащий,
Что-то есть ещё хорошее во мне!

* * *

Матушка щиплет лучину –
Печку пора затоплять.
Всё как всегда, – чин по чину –
Тихое утро опять!

И никуда мне не деться
От деревеньки моей.
Ясные звуки из детства
Слышу живей и живей!

Вот промычала корова...
Чистая песня скворца...
Лето и осень, и снова –
Выюга свистит у крыльца!

Память свою не нарушу,
Думаю, эту и впредь.
Сердце настрою и душу,
Но не на то, чтоб скорбеть!

А на счастливые звуки –
Трески смолистых лучин!..
Маму, с лучёвником руки –
Помню всю жизнь, мамин сын!

Лидия ДУРЯТИНА

В доме родном неостывшая печка

В доме родном неостывшая печка
Душу мою согревает теплом,
Выйдя поутру, я радуюсь речке,
Ясному небу и солнышку в нём.

Малая родина – край вологодский,
Связан с мечтами и всею судьбой.
Северный край, красотою неброский,
Вся моя жизнь неразрывна с тобой.

Шонгские улицы залиты светом,
Ветер торопит цветной листопад.
Словно прощаются с ласковым летом
Гроздья рябины, пустеющий сад...

Смотрят приветливо окна резные
В доме моём и моих стариков,
Верю я в истины очень простые,
Верю во святость родных очагов.

Шелестит ромашковое поле

Шелестит ромашковое поле,
Заплетает травы ветер озорной.
Правду о судьбе и женской доле
Расскажи, ромашка, только мне одной.

С замиранием, рукой несмелой,
Лепесточки обрываю, чуть дыша,
Словно от ромашки этой белой
Все зависит: счастье, радость и душа.

Стебелек по-утреннему росный,
С летним перезвоном наступает день.
А над полем – воздух сенокосный,
Облако рисует серенькую тень.

Шелестит ромашковое поле,
Словно хочет тихо что-то рассказать.
Может, шепчет, что о женской доле
Никому нельзя заранее узнать.

Март

Сияет март своим последним днем,
На небе – кучевые облака.
Весенним ослепительным огнём
Всё заливает солнце свысока.

Пришла пора сезонных перемен.
Весна – и поступь у неё легка.
Идет тепло всем холодам взамен,
Ручьями слёзы льют уже снега.

Патьяна КОЛОСОВА

* * *

Рада тебе, ЗИМА!
Любимому времени года!
Снежинок вокруг кутерьма
Метелей ночных хороводы!

Шагается быстро, легко
Об руку с бодрым морозцем.
Недопечённым блинком
К небу приклеено солнце.

Детские щёчки горят
Ярким здоровым румянцем.
В девчонок снежки летят
И брошены в сторону ранцы...

В северном нашем краю,
Только одна царица!
Оду ЗИМЕ пою!
Пусть правит! Хватит амбиций!

Татьянин день

Солнце светит, снег искрится,
В кружевах берёзы, ивы.
Холодно. Примолкли птицы.
Шаг прохожих торопливый.

Только кто-нибудь нарушит
То промёрзшее безмолвье:
«С именами, Танюша!
Тебе счастья и здоровья!»

Мама, с влажными глазами,
Меня встретит пирогами:
«Встала я сегодня рано,
Для тебя пекла, Татьяна!»

И, один из трёх, сынуля
Пушкина прочтёт отменно...
«С праздником тебя, мамуля!
Будь любима, непременно!»

За окном мороз крепчает,
В печке слышен треск поленьев,
Именины отмечаю,
Принимаю поздравления.

Татьяна МАКАРОВА

* * *

Под лучами солнца тает снег,
Новой жизни я читаю главы,
Чувствую уже весны разбег,
Жёлтых солнышек полны канавы.

И пускай еще холодный март
В сапогах по лужам погоняет,
Чувствуется тонкий аромат,
Это значит – верба расцветает.

Это значит – будет и апрель,
Межсезонья пробегут недели,
Прозвенит, как музыка, капель.
И польются с неба птичьи трели.

* * *

На траве холодной иней,
Листья желтые в пыли,
Силуэты в дымке синей
Видно в пасмурной дали.

Вся земля к зиме готова,
Улетают птицы вдаль,
Несмотря на холод, снова
В сердце теплая печаль.

В сердце новые надежды,
И бежит по жилам кровь,
Все меняется, как прежде,
Повториться чтобы вновь.

За зимою будет лето,
Говор птиц наперебой,
А пока лишь силуэты,
В синей дымке за рекой...

* * *

Небо тучи повесило важно
На июльскую теплую тишину,
И закаты ударили дважды
Над пологими скатами крыш.

На деревья набросился ветер.
Спутав ветви, срывая листы,
И дождем наполняемый вечер
Напоил и траву, и цветы.

И, умыл тополя вековые,
Смыв пылинки с красавиц-берез...
А наутро видны кружевные
И прозрачные капельки слёз!

Талина НЕКИПЕЛОВА

* * *

Хорошо, когда вокруг
Всё дома.
Светит солнце – милый друг.
И зима
Понарасно слёз не льёт
Дождевых.
Не задерживает лёд
Дел земных.
По дорогам не скользит
Ледяным.
Только реже всё зима,
Да без льдин.
И дороги – чистый лёд,
Как стекло.
Кто проедет, кто пройдёт –
Повезло!
Ох, и зимушка-зима
Да у нас!
Плачет, плачет всё она.
С мокрых глаз
Слёз прозрачных всё бежит
Ручеёк.
И когда же посетит
Нас снежок?
Да пожалует мороз
Озорной.
И зима придет всерьёз
К нам с тобой.
Лыжи, санки и коньки
Пойдут в пляс.
Засверкают огоньки
Зимних трасс.
Заискрится чистый снег
Поутру.
Запетляет лыжный след
На снегу.

Шутка о шубке

В последний день зимы –
Чудесная покупка.
Друзья изумлены:
Какая, браво, шубка!

С узором расписным,
Нарядно и красиво.
Теперь не до весны –
С улыбкой шутит Сима.

Капризная весна
Обиделась на шутку.
И ночь стоит ясна,
И днём мороз! Аж жутко.

В чём дело!? Где тепло?
Куда оно девалось?
Как шубке повезло!
Эх! Вдоволь нагулялась...

* * *

Дорога избита сотней колёс,
Дождями умыта, ручьями слёз.
А по обочинам лес всё, да лес.
Здесь не бывал добрый дядя Прогресс.
На сотни вёрст ни кафе, ни жилья.
Всюду заросшие видишь поля...

Грибов много, ягод в этих краях.
Душой отдохнешь в щедрых лесах.
Целебные травы иди, собирай.
Царство лесное, нетронутый край –
Светлый родник для усталой души
В этой лесной, непроглядной глуши.

Одна ты, Россия, такая, одна...
Неповторимая наша страна.
В роскошных нарядах бескрайни леса,
Чисты и невинны твои небеса.
Как бесконечны дороги твои.
Как здесь сердечно поют соловьи...

* * *

Ты попросил про грибы стих.
Как же вечер сегодня тих.
Осень ныне так хороша!
Веселится, поёт душа!
Завтра в лес по грибы пойдём.
Ты и я. Только мы вдвоём.
Крепких рыжиков в кузовок
Наберём вдоль лесных дорог.
Кружит ветер осенний лист.
Как легко здесь! Как воздух чист!
А вон там посмотри: река!
В ней как в зеркале облака.
Лист осенний плывёт по ней.
Искупаюсь всего верней!
Обжигающе холодна,
Не достанешь никак до дна.
Каждый камушек виден нам.
Окунусь! Волю чувствам дам!
Тело радо: огнём горит,
А душа над землёй парит.
Осень ныне так хороша!
Веселится, поёт душа!
Вот тебе и рассказ, и стих...
Как же вечер сегодня тих...

Патьяна СМИРНОВА

* * *

Тихо падает снег – соучастник печали,
Белым роем кружит он в лучах фонарей.
О красивой любви чайки в мae кричали,
Но забыть тот роман я хочу поскорей.

Снег безмолвно ложится на серые волны.
Скорбно плачет душа на холодном ветру.
Ах, зачем мои мысли тобою так полны?
Заметет белый снег ту тропу поутру.

Встанет алая зорька над лесом несмело,
Вспыхнет радугой снег в первых солнца лучах.
Я хочу, чтоб печаль моя птицей взлетела,
Растворилась навек в белоснежных ночах.

Тихо падает снег...

Осенний бал

Осенний бал... Само сочетание этих слов вызывает в душе радость, предвкушение счастья. Сверкающий огнями зал, изысканно нарядные дамы, галантные кавалеры, музыка, заполняющая душу каждого юного существа, трепетный стук сердца, смущенно опущенные ресницы и ожидание чего-то необыкновенного. Как же это все здорово!

А вы не замечали, что нечто подобное происходит и в природе в период бабьего лета? В осеннем лесу тишина. Хрустнет иногда под ногами сухая веточка или проскользнет по стволу дерева бурундук. Вроде, ничего особенного.

И вдруг тропинка выведет тебя на поляну, залитую теплым, ласковым солнцем. Неожиданно для себя, ты чувствуешь прилив несказанной радости. Радости от того, что попал ты на осенний бал. Торжество еще не началось, но все присутствующие уже готовы и с нетерпением ждут начала праздника.

Скромницы березки в простеньких жёлтых платьицах несмело жмутся друг к другу. А вот кокетливые рябинки. Одна из них особенно хороша. На фоне ее темно-зеленых листьев выгодно горят пурпурные бусы и сережки. Ее подружки выглядят несколько скромнее, так как цвет их платьев приглушает яркость аксессуаров. Но и они тоже хороши.

Яркая, уверенная в своей неотразимости, блестая багряным нарядом, выдвинулась в круг юная осинка. Ее, несомненно, ждет успех.

Стыдливые черемушки сгрудились чуть поодаль. Не заметят их сегодня в пестреньких ситцевых платьицах. Слишком они скромны.

Оживилась старая сосна в ожидании веселья. Вроде даже помолодела от прикосновения ласкового луча солнца.

А где же, где же кавалеры, которые закружат в танце этих красавиц? Как жаль, что их кавалеры – ветреные особы. Но не хочется думать об этом. Глядя на эту красоту, ощущая радость ожидания праздника, хочется самому стать лучше, чище и добнее.

Подосиновская центральная библиотека
им. А. Я. Филева

Литературный клуб «Родник»

п. Подосиновец
Кировской обл.

Аркадий Александрович
Филев (1915 - 1976) -
известный вятский писатель

Памятный камень на месте
бывшей деревни Анциферова Курья -
родины писателя»

«Купава...

Милая моему сердцу деревенька,
без которой не было бы
и меня на свете».

А. Филев

Ольга КУЗНЕЦОВА (БУРДУКОВСКАЯ)

Из детства...

У печи на лавочке
Всех родных видать...
Бугорки да ямочки
На поду считать...

И смотрю я, маленькая, -
В жизнь придется нить -
Набрала мне маменька
В ковш воды попить...

А морковь натёртая
Папой - свежий сок -
Для меня, уёртой,
Ростика глоток...

Лампы керосиновой
Пляшет фитилёк,
Вдоль стены игривые
Тени наутёк...

И волшебной ленточкой
Яркий серпантин
Кожурою яблока
По столу поплыл...

Успешный поход за грибами...

Прозрачен лес. Всё золото к ногам –
Монисто, шелест...
Окрест весь в солнечных лучах –
Где дремлет Велес!
Где Бог-богач? Засыпан лес –
Платинно-алый,
Он полон сказочных чудес –
Затих усталый...
А буреломы на виду –
Страшилки-буки –
«Я вас сейчас с ума сведу –
Впредь для науки!»
Сушняк свалившийся – волной
Звук вторит эхо...
Ну, где же, где же ты, седой
Мой Бог успеха!
Пройдусь у речки – просто жуть,
Темна водица –
Быть может, я не удержусь –
Смогу напиться.
А Водяной, твой сводный брат,
Шалить умеет,
Моим проказам будет рад –
Не пожалеет.
Свои откроет закрома –
Златые клады –
Там камни, словно жемчуга –
Пойдут к наряду...
Найду под ворохом листвы
Твои заначки,
Чтобы до самой до весны,
Не жить, как в спячке –
Волнушки, грузди – красота –
Достану банку...
И вспомню Велес, как тогда
Пугал поганкой!..

Мой дивный лес, пора ко сну,
На славу осень,
И вместе будем ждать весну,
И лета просинь...

Дождливое письмо...

Напишите мне письмо,
На березовом листочеке,
Пусть дырявое оно –
В каждой строчке будут точки...
И, пошлите мне привет,
Чтобы звездочки сережек
Разлетелись в белый свет,
Приземлившись у дорожек...
Пусть на сломанных лучах
Солнце катится сквозь тучи –
Ведь с дождями летом лучше –
Будет вечер при свечах...

Осенняя грусть...

Вот и осень пришла,
Долгожданная может,
Только грустью она
Мою душу тревожит...

А вот в солнечный день,
Свои краски разбросив,
Словно в чудную тень,
Спрячет грусть свою осень...

Жёлтый, красный и охру
Покачает на ветках,
В тишине я оглохну –
И в лесу её метка...

Птицы редко поют,
Собираются в стаи,
Их, отправив на юг,
Осень грусть мне оставит...

* * *

Устроен Мир из массы заморочек –
Забот, хлопот, обязанностей, долга...
И с каждым днём всё кажется короче
Нам отведённая дорога...
Мы реагируем на пересуды,
Стараемся успеть, решить, добиться...
Встречаются в пути худые люди –
Им запоздало можем лишь дивиться...
Нам наш удел давно прописан свыше,
Не знаем только – сколько и далёко ль...
Так пусть же будет Мир под вашей крышей,
Ваш парус не белеет одиноко!!!

Патьяна КУРДЮМОВА

* * *

Ты спроси, почему не с тобой я глазами,
Почему без причин заливаюсь слезами,
Почему то угрюмо молчу я часами,
То тебя окружаю вопросов лесами.
Почему, строк не видя, ночами читаю.
Почему невниманьем родных обижаю,
Почему, отчего я живу не в квартире,
Не в поселке родном — центре рая,
А в мире необъятном и грозном,
Нездешнем, незримом,
Безразличном ко мне, безответно любимом.
Ты спроси напрямик — я не сразу отвечу,
Подожду, когда полночь зажжет наши свечи,
Наши два огонька в пустоте беспредельной,
В добрый миг залетевших на грешную землю.
Я отвечу без слов, спрятав взгляд от смущенья,
Чтобы вымолить кротко к тебе возвращенье.

Из цикла «Восемьо восемь»

* * *

Сытый, сонный Новый год,
Рождества печали.
Сына Божьего приход
В мир не замечали.
Ждали чуда столько лет
В хлопотах напрасных
И, убитым ёлкам вслед,
Хоронили Праздник.

* * *

Сто одёжек — одна на другой.
До души раздеваюсь и плачу.
Человек в мир приходит нагой
И отсюда уйдёт не иначе.
Но в слезах расстаюсь с барахлом,
По рукам и ногам спеленавшим.
К наготе нищеты напролом
Снова рвусь сквозь стяжательства чащи.

* * *

Постоянны только перемены.
Ход событий не остановим.
На глазах взрослеет поколенье
С обликом и голосом другим.
Пусть им больше повезёт немного.
Только б не коснулась их война,
Да не забывали б храм и Бога,
И тогда поднимется страна.

Надежда МОХИНА

Осенние мотивы

Взгляд отвести от заплаканных окон.
Пасмурно, сыро там и одиноко,
В сердце темно.
Треплет берёзы редеющий локон
Ветер-бродяга, насмешник жестокий,
Ей всё равно.

Знает ли эти она перемены,
Видит ли в этой причёске осенней
Жёлтую прядь?
Сядем с подругой с бокалом глинтвейна,
Чтоб обо всём говорить откровенно
И вспоминать,

Может, о светлом, а может, о грустном.
Окна зашторим, ненастье не впустим
И подождём:
Пусть эта осень проявит искусство —
С сердца ненастные, горькие чувства
Смоет дождём.

* * *

А ты не понял то, что мы не те,
Что не настигнет нас стрела Амура.
Пройдись легонько по клавиатуре —
Про женщину в осенней красоте
И в мудрости осенней.

C'est la vie:
Мы, может, просто оба опоздали.
А осень раздаёт свои медали —
Рябиновые отблески любви.

Ещё кого-то можем увлекать.
И это всё. И этого довольно.
Зачем же снова, чтобы стало больно
Сходить с ума и голову терять?

Летит, летит, кружась, осенний лист,
На землю ляжет, как зимы предвестье.
А мы с тобой не рядом и не вместе...
По клавишам задумчиво пройдись.

Сыграй меня. Сыграй свою печаль –
Пусть ветер донесёт мне без пророчеств.
Про горечь двух осенних одиночеств
Звенит струной натянутая даль.

Обогрею...

Не такое назначено
И не это обещано,
Иль судьба начудачила,
Иль обидела женщина,

И не так если вышло всё,
И не веришь в день завтрашний,
Иль не понят – услышу я
И впущу заплутавшего.

Бросил сам или брошенный,
Иль беда неминучая.
Обогрею – замёрзшего,
Обласкаю – колючего...

За твою суровостью
Что-то прячется нежное.
Руку дам я над пропастью,
Я – простая и грешная.

Осенние яблоки

Ты не услышишь этих слов.
Катаясь яблоком по блюдцу,
Они то плачут, то смеются,
А ты опять в плену оков
У тех, других, ненужных слов,
А эти – эхом не вернутся.

О, свежих яблок аромат!
Я помню ту шальную осень:
Слепые листья ветер носит,
И ты ни в чём не виноват,
И можно всё вернуть назад,
Вернуть, лишь если мы попросим...

Надкусен спелый сладкий плод
И за ненадобностью брошен.
Его пинком пошлёт прохожий
С дороги дальше. Не поймёт,
Что в нём пока ещё живёт
Любовь. Но с каждым днём всё горше.

* * *

Обещанья розданы...
Может, будешь сниться...
Продырявлен звёздами
неба чёрный ситец.

В темень непроглядную
все слова прощанья
канули.

А рядом бы –
было б «до свиданья».

Ой, свиданье сбудется ль
через зимы, вёсны?
На пустынной улице
мгла стоит.

Морозно.

Обещанья розданы –
тёплых слов крупицы.
Продырявлен звёздами
неба чёрный ситец.

Любовь ТЕПЛУХОВА

*Моему дорогому отцу, учителю, фронтовику
посвящается...*

Я по своей тропинке памяти
Пройду сегодня не спеша.
Здесь все места тобою заняты,
Везде живет твоя душа.
С любовью дом у речки выстроен,
Стоит и не бывает пуст.

Береза вверх уходит выстрелом,
А под окном сирени куст.

И в нашей русской печке-матушке,
Что звалась Божия ладонь,
Пекутся вкусные оладушки,
Горит живительный огонь.

Висит лампадка под иконами.
Всегда, и в самый трудный час,
Молилась бабушка с поклонами
За всех за вас, потом за нас.

И на войне ее молитвами,
В горниле смерти, у черты,
Отмечен яростными битвами,
Живым домой вернулся ты.

А ночью, ранами измученный,
Не жаловался никому.

И сыновья, всему научены,
Росли помощники в дому.
Всем пятерым пример был,
Творил добро и людям верил,
И нашим внукам говорил:
«К вам постучат — откройте двери!».
И вот уже под небом мирным
Семидесятая весна!
Ты бил фашистов в Украине?

А там опять идет война...
Вновь льётся кровь, и гибнут дети,
И даже свастика в чести...
И мы сейчас за все в ответе,
Прости нас всех, отец, прости.

* * *

Давно отгремели раскаты
Кровавой, жестокой войны.
Уходят в бессмертье солдаты,
Живым еще видятся сны.
О трудных боях в Подмосковье –
В атаку ведет замполит –
И Брестская крепость, где кровью
Каждый кирпичик полит,
Мамаев курган в Сталинграде,
Где немцев зажали в котле.
Там год от осколков снарядов
Трава не росла на земле.
Майданек, Освенцим, блокада...
А сердце щемит – не унять.
И хочется крикнуть: «Не надо,
Чтоб все повторилось опять!».
И сколько еще по России
Зажжем поминальных свеч...
Господи, дай же нам силы
Помнить, любить и беречь.

* * *

Попрощалось лето песней журавлиной
И исчезло где-то в небе строчкой длинной.
Средь мохнатых сосен листья в хороводе,
Известила осень о своем приходе.

Утренним туманом, яблоневым спасом,
И грибным дурманом, и протяжным гласом
Лебединой стаи.
Только я осталась в соловьином мае.
Восхищаясь песней,
Обо всем забыла
И, признаюсь честно,
Лишь тебя любила.

* * *

Ах, если б знал, то подстелил соломку,
Чтоб было бы не больно и упасть.
И рвётся там всегда, где очень тонко,
И где над разумом довлеет страсть.
Ах, если б знал, то не свернул направо,
А шёл прямой дорогой до конца.
Но, если рассуждать спокойно, здраво,
То не носить тернового венца.
Ах, эти «если», «бы», или «кто знает»...
Мы сами погружаемся во тьму.
И лишь Господь от глупостей спасает,
Когда мы доверяемся Ему.

Олег ПИНЕЖАНИН

Поединок

— 1 —

А он стоял, бугрилось тело,
Бока ходили ходуном,
И все внутри него горело,
И весь он схвачен был огнём
Багрово-красного заката.
Катался в горле трубный стон.
Себе подобного собрата
Он вызывал на смертный бой.
Рогов тяжелая корона
На безупречной голове.
Ну чем не царь лесного трона
Копытит землю на холме.
А вот и он, второй красавец,
Сраженный страстью роковой.
И кто, который самозванец?
Рассудит бой, рассудит бой.
Они горды, они упрямы,
Бунтует в них живая плоть.
Они родились дикарями
В паучем мареве болот.
Росли бродягами лесными
В обмане зыбкой тишины,
И всюду, всюду вслед за ними
Бродили слуги сатаны.
С оглядкой каждый шаг давался —
Закон тайги неотвратим.
И если slab, да зазевался,
Квитайся самым дорогим.
Видать, счастливые сияли
На небе звезды в тот момент,
Когда лосихи облизали
Телят, явившихся на свет.

Беду и страх перетерпели
Среди жестокости и зла.
В борьбе за жизнь заматерели,
Познали радость бытия.

— 2 —

И вот, без всякого подхода,
Неся отважно рок судьбы,
Сверкая в бликах небосвода,
Сцепились пленники любви.
Рога скрестили великаны,
Гортанно выдохнув храпок.
Невесты с длинными ногами
Пугливо сбились в табунок,
Гуртом шарахнулись в ложбину.
Взмутившись духом кровяным.
Их неуклюжие горбины
Коробит страхом ледяным.
А кровь лилась, быки дурели.
Вопрос ребром — наверняка
Кому-то падать на колени,
Кому-то место вожака.
На землю сумерки спускались.
Тайгу окутал зыбкий сон.
И только звери бесновались,
Забыв на свете обо всем.
Уж гаснет взор и разум меркнет,
И страшный близится конец.
Сплелись рога, попытки тщетны
Разъединить тугой венец.
Капкан судьбы — удача боком.
Звезда счастливая с небес
В последний раз потухшим оком
Сверкнув, упала в темный лес.
Лежат они, в конец не веря,
На мху, испачканном в крови.
Два вожака, два гордых зверя —
Союз безумства и любви.

* * *

Заторможу на вираже,
Куда несет меня кривая?
В своем убогом шалаше
Я не нашел земного рая.

Не плохо все, не хорошо.
Вперед бы надо – нет запала.
И умирать нельзя – грешно,
Мать не для этого рожала.

Вот заменю перекладных,
Плевать, что нынче непогода.
Заброшу счастье на золотых
В разлив двухтысячного года.

И я уверен – приплывут
Во снасти рыбки золотые,
И зашалят и зацветут
Глаза, как небо, голубые.

И белый конь узду рванет,
Колоколец зальётся в плаче.
Аркан мой точно упадет
На шею пуганой удаче.

Валентина СКОБЕЛКИНА

Бликует жизнь

А мне осталась только осень:
Опавших листьев запах горький,
Полночный скрип оконной створки
Да светлячки ушедших вёсен.

Остались будущие встречи,
Ошибок прошлых ожерелье,
От настоящего похмелье
И речи, речи, речи...

И счастья мнимого песчинки,
И клятвы в верности навеки,
И поцелуи, как калеки,
И лица, будто фотоснимки.

Бликует жизнь: то синь, то просинь
А мне осталась только осень.

Книги судьбы

Рассветы, закаты мелькают страницами
Небрежно прочитанных книг.
Гуляем по жизни с беспечными лицами,
Надеясь, что жизнь – черновик.

Себя измышленьями разными тешим мы,
Что нет у судьбы тупиков,
Что выход в задаче с тремя неизвестными –
Захочешь – и будет готов!

Звезда Поюжья

Грехи, тумаки, синяки бесконечные –
Да ладно! Да всё пустяки!
Но в зеркале стали морщинки заметнее,
И вдруг поседели виски.

Вот тут и поймёшь, что остались не читаны
Важнейшие книги судьбы.
И годы ушли, и страницы сосчитаны,
И нет в них ни «кабы», ни «бы».

* * *

Опять хандрю.

Опять на сердце осень.
В душе зима метелями метёт.
Характер мой не то что бы несносен,
Но всё чего-то мне не достаёт.

Мелькают дни.

И каждый день – мгновенье.
Не успеваешь часто рассмотреть.
То ждут дела,
то нету настроенья,
То некому тебя уже согреть...

И иной холодит
сильней, чем прежде.
Мечты? Оставь! Они не для тебя!
Зачем питать напрасные надежды
В предзимнем состоянье октября?

Поставлю диск
с набором из мелодий:
Адажио, романс... – я их люблю.
Польётся жизнь
печалями рапсодий

Подосиновец

Навстречу ноябрю и декабрю.
Но вдруг средь туч мелькнёт
платочек неба,
Взмахнёт приветно солнечным лучом –
Запляшет, запоёт
капель из снега,
По лужам звонким бегая смычком.

Адажио звучит от Альбинони,
Ревёт ручьями, разрывая лёд.
Приму капель в открытые ладони
И, как лекарство, выпью этот мёд.

Рябиновая гроздь

Рябиновая гроздь, под шапкой снежной
ты безупречна.
Но данная тебе зарёю нежность
не будет вечна.
Придёт зима с невзгодами лихими:
метелью, стужей –
Пронзит леса ветрами ледяными,
поселит ужас.
И вот тогда в ветвях сверкнёт фонарик
игрушкой с ёлки –
Зажжёт снегирь рубиновый кристаллик
среди позёмки.
Слетят с рябины огненные брызги –
зари крупицы –
Их в клювах разнесут, как капли жизни,
по миру птицы.

Ушло...

Зачем тревожишь воспоминаниями,
Зачем былое опять волнуешь,
Что будто снова горишь желаньями,
О том, что было и нет, тоскуешь?

Зачем в мой сон, полнолунием раненый,
Как раньше, входишь горячей дрожью?
Сжигаешь факелом страсти пламенной,
А после тушишь холодной ложью.

Бросаюсь в ночь мотыльком потерянным,
Ищу огонь в лабиринтах сердца –
Но смотрит небо луной рассеянной,
Да спорит с ветром тугая дверца.

Ушло былое, остыло в осени.
Обрывки дней, как снежинки, кружат.
Слова мелькают в бесплодной проседи.
Замёрзла память, и в сердце стужа.

Владимир ПЕРЕНПЬЕВ

* * *

Новые стихи в сознанье зреют.
Коли так, то я к столу спешу.
Я их напишу сейчас хореем.
Иль, быть может, ямбом напишу.

Впрочем, этот разговор не к месту.
Ведь размеры и не хуже есть.
Думается мне, что всем известны
Дактиль, амфибрахий, анапест.

Пять стихотворений

1. Лето (ямб)

Погожим, жарким летом
Меж деревень и сёл
Лён васильковым цветом
Опять в полях зацвёл.
Прогнулся свод небесный,
Безоблачен и чист.
И жаворонок с песней
Над нивами завис.

Поля. Леса. Озёра.
Притихшая река.
За ними сосны бора
Видны издалека.

Поют повсюду птицы.
Синь неба. Жуткий зной.
Все это мне приснится,
Наверное, зимой.

Ну а пока что лета
Прекрасен колорит.
И мне в стихах об этом
Приятно говорить.

2. О лете (хорей)

Солнце светит. Солнце греет.
Вновь пришло на землю лето.
И стихи свои хореем
Я пишу уже об этом.

Как приятно жить на свете
В теплоте всеобщей дружбы.
Хорошо, коль дует ветер, –
Ветер тёплый, ветер южный.

Этот ветер – верный вестник
Светлых дней. И у пернатых
Вновь полны задора песни,
В них и трели и ферматы.

Очень жарко. Лето в пике.
На лугах лопатят косы.
Пляшут солнечные блики
На волнах речного плёса.

Но под вечер туч огромных
Небеса вдруг стали полны.
Значит, будет много грома,
Значит, будет много молний.

На ненастье нет управы,
Но пускай прольётся небо.
Ещё выше будут травы,
Ещё больше будет хлеба.

3. Прощание (дактиль)

Медленно движется в поле процссия.
Люди невеселы. Люди печалятся.
Молча за гробом иду с ними вместе я,
Думаю: жаль, что такое случается.

Всё позади: и награды, и звания,
Дети и внуки, природа окрестная.
Ближе и ближе момент расставания.
Медленно движемся к кладбищу местному.

Вот и пришли. Надо справиться засветло.
Речи прощальны... Слёзы горючие...
В дело пошли и лопаты, и заступы.
Шепчут старушки: сердешный отмучился.

Всё. Больше нет человека хорошего.
Но будет жить он всегда в нашей памяти.
Всё. И на кладбище, как и положено,
Холмик остался песчаный да памятник.

4. Снег (амфибрахий)

Снег белый ложится на крыши,
На слякоть дорог, на поля.
Снег белый ложится неслышно.
В момент побелела земля.

Вчера ещё всюду месили
Машины дорожную грязь.
И думалось: трудно осилить
Устойчивой осени власть.

Дождей было осенью много,
И воздух был влажен и мглист.
Сегодня упал на дорогу
Последний березовый лист.

Звезда Поязья

Теперь уже нет в нашем крае
Осенней былой красоты.
И мы уже вновь убираем
Подальше плащи и зонты.

Значительны времени вехи.
Метели ещё не мели.
Но снег уж прикрыл все огрехи,
Все раны уставшей земли.

5. Зима (анапест)

К нам зима заявилась недавно.
Выкрутасы её всем известны.
О зиме я писал раньше ямбом,
А теперь напишу анапестом.

Снова снежно на всём белом свете.
В деревнях, и в посёлках, и в поле
Стал хозяйничать северный ветер,
Всем пророча нелёгкую долю.

Не поверим ему, не заплачём.
Ждём от жизни мы участь иную.
Не в новинку нам это, и, значит,
Преспокойненько перезимуем.

Великоустюгская центральная библиотека

*Литературное объединение
«Северок»*

*г. Великий Устюг
Вологодской обл.*

Редакция газеты
«Советская мысль»

В этом доме родился Ал. Круглов,
писатель-этнограф

д. Аристово.
В этом доме родился Юрий Пиляр,
русский советский писатель

Как прекрасно,
Что есть на русской земле,
Золотинка души её –
Устюг Великий.

Валентин Суховский

Николай АЛЕШИНЦЕВ

Никитино счастье
Отрывок из повести

Надежда на чудо живёт в каждой русской душе с детства.

Да и как не жить; еще в пелёнках лежишь, и пузыри пускаешь, глядя на незнакомый мир, а тебе уж, пожалуйста – сказку о богатырях, о царевне-лягушке, о Емеле, как он «по щучьему велению, да по своему хотению» на печи к царю езживаля.

Подрастёшь, а и впрямь кругом чудеса: из малюсенького зёрнышка хлебушек в поле растёт, да такой вкусный – особо пока горячий, да с молочком... В реке рыбы плавают, никто не кормил, не поил, а на тебе – плывут себе по каким-то рыбьим делам, пока на сковородку не попадут. Вкуснятина тоже.

Или возьми того же жеребёнка: едва рождается, а через час-два уже взбрыкнуть норовит. Так у него это забавно получается, что самому тоже взбрыкнуть хочется.

Родившемуся в далеком 1881 году в деревне Печерза, что по Сухоне, мальцу по имени Никитка оснований для веры в чудеса было достаточно. Его мать, добрая, всегда немножко уставшая женщина, могла читать по складам и даже немножко писать. Научилась этому в детстве, когда работала нянькой в Устюге в поповском доме. А его тётка Анна, имевшая неугомонный характер и страстно любящая Бога, ушла пешком в Иерусалим к гробу Господню. Было тогда Никитке пятнадцать лет. Вернувшись через два года осенью, тётка, «чайку не попив», унеслась в посёлок и принесла корзину сырых груздей. Сказывали, как долго она их отмачивала и сортировала, как в семи водах перемывала, как укладывала каждый груздок в полупудовый бочонок, не забывая солить и крестить каждый слой. Не было в тот бочонок уложено ни одного грибка больше царского пятака. Уж по снегу, с первым обозом замороженных рябчиков, отправила заветный бочонок в

Звезда Поюжья

Москву царю – в благодарность, как наместнику божьему на земле, за своё благополучное возвращение.

До сих пор жива легенда, как царь, попробовав тёtkин подарок, встал, многозначительно посмотрел в сторону министра финансов Сергея Юльевича Витте и произнёс, любясь поднятым на золотую вилку хрустальным грибком: «Каждый груздок стоит пять рублей». Говорят, бедный Витте едва не подавился куском заливной телятины от щедрости Николая Второго, поскольку корова в то время стоила 45 рублей.

История умалчивает, получила ли Анна царские деньги. Но отношения между Николаем Вторым и Сергеем Юльевичем испортились навсегда.

Никитка не раз слышал эту историю с груздями и искренне горевал, что тёtkино богатство, обещанное восхищённым царём, так и не состоялось.

«Эх, приехал бы царь к нам на Печерзу, посмотрел, как муку мучают его обездоленные крестьяне, и, наверно бы, сказал: «Чего это раньше мне о своём горе горьком не говорили?». Заплакал бы и распорядился всем дать по куску счастья и холста на порты. А я бы лучше корову-холмогорку выпросил. Кто его знает, какое оно, счастье-то, и к чему применить, а с коровой Лидке не привыкать. Справилась бы за милую душу».

Каждое утро, натягивая на голое тело скользкий холодный кожан, и с трудом всунув ноги в подсохшие за ночь поршни, он уходил на Сухону, отталкивал лодку и поднимал лыняную хребтину оставшегося от отца самолова. Каждый раз, когда уды там, в глуби, цеплялись за что-то тяжёлое, сердце, словно взбесившись, пытаясь вырваться из груди, а ноги становились ватными. Верилось и не верилось, что вот она, та самая пудовая стерлядь, продав которую, можно купить (как посчитала мамка) корову, бьётся в каких-то трёх аршинах речной воды.

Но вместо желаемой рыбы чаше всего вылезал из-под лодки скользкий суковатый топляк или увитая корнями торфяная кочка...

Вообще-то, Никита родился под той несчастливой

звездой, во время мерцания которой человеку катастрофически не везёт.

Так получалось, что два десятка ребятишек могли перелезть через осек, возвращаясь со сбора грибов совершенно целёхонькими, а Никитушка обязательно зацепится штанишками за сухой еловый сук и разорвёт не только их, но и ногу распорет. Пойдут ребятишки купаться, прыгают, визжат, брызгаются – и хоть бы что. А Никита на острый камень, а то ещё хуже – на ерша какого-то безголового наступит. Кровь, рёв. Не бывало дня, чтобы с ним какая-нибудь оказия не случилась. Так и ходил, как в войну, то тут, то там забинтованный. И бык его бодал, и собаки кусали, и с черёмух он падал, разбиваясь до полусмерти, но жил, словно назло своему несчастливому року. Хуже всего стало, когда к девкам потянуло. Ни одна самая распоследняя растрёпа не хотела оставаться с ним после игрищ – боялись, как заразного.

Но всем бедствиям назло вырос Никита в крепкого коренастого парня...

Однажды весной в поисках старой супони или ремешка, годного на ошейник недавно притащенному им щенку, он обнаружил старую, с разорванными мехами, гармонь. Вытащил её на свет божий, осмотрел и, забыв о щенке, тут же приступил к её мытью и ремонту. Через неделю удивлённые жители Печерзы услышали первый наигрыш, который в простонародье называется «отвори да затвори». С тех пор, едва появлялась у парня свободная минутка, он брал с залавка кусок мягкого, запивал кринкой молока и, подхватив гармонь, убегал на крутой бережок, что ниже по течению Сухоны. В тихие вечера слышны были гармонные наигрыши, часто, словно натыкающиеся на непреодолимую преграду. Но Никита упрямствовал и вновь, как поводырь слепого, выводил их на сухонский простор.

А однажды, майским вечером, гармонист, уже никого не таясь, вышел на речной берег, сел на громадный валун, притащенный могучим паводком, и развернул меха.

Прости, золотой мой читатель, сентиментальные строчки, на которые я обращу драгоценное внимание

твоё, во славу русской гармони. Нет в человеческой душе чувства, которое не мог бы выразить этот бесхитростный инструмент. Горе ли, радость ли, встречи ли, проводы, рождение человека и рождение новой семьи – всё происходит под удалую или грустную мелодию на родном языке говорящей гармони. Как не поклониться ей и как забыть? Наши слёзы и смех, каким-то непостижимым образом облагороженные, именно с нашими чувствами согласованные музыкой, взлетают над полями, лесами, реками и устремляются к далекому невидимому Богу, рассказывая ему о наших тревогах и надеждах: мы живы, храни нас, Господи, таких, какие есть...

С того майского вечера редко случалось так, чтобы не собирала Никитина гармонь деревенский люд. Только непогода мешала иногда.

Вера БАГРЕЦОВА

* * *

Ещё я многое могла –
Молчать и плакать, и смеяться...
Я не любила притворяться
И чьи-то тайны берегла...
Ещё я оставалась той –
Вчерашней, не меняя русло...
Но для кого моё искусство
Остаться до конца собой?
Ещё я понимать могла
И жизнь оценивать невольно,
Смотреть на этот мир спокойно,
Не тратя попусту слова.
Ещё ответов я ждала
От этой жизни неумелой,
Любила петь, была несмелой
И сил живых была полна.
Ещё я много отдала
Немых ночей достойным книгам.
Моё былое стало мигом...
Была ли? Когда была?

* * *

Уйти под сумрак дождевой
Хотя б на миг – ещё не поздно:
Увидеть, как в траве густой
На тонких стеблях мокнут звёзды.

Пройти по лунным облакам –
Мгновенье – можно ли короче?
А сон и тишина – обман?
Иль перевоплощенье ночи?

Забудется, не позовёт
Ночей немое ожиданье,
Ни красных ягод терпкий мёд,
Ни губ мелькнувшее прощанье.

Не позовёт! И мне в ночи,
Где даль раскачивает ветер,
Разбуженной соловьи кричит
Воспоминание о лете.

* * *

Разве мало мне этих звёзд?
Почему я ищу другую?
Ту – единственную, золотую –
За стволами ночных берёз...
Разве мало мне этих звёзд?
Безнадёжно пойму однажды,
Что звезда не падает дважды,
Что загадано мной – не сбылось.
Видно, мало мне этих звёзд.
В детстве месяц висел над крышей,
Только небо с годами – выше.
А душа – самый хрупкий мост –
Разве может быть выше звёзд?

* * *

В заколдованный утром тиши
Мирно дремлют высокие ели.
Открывает мне хвойная ширь
Чуть заметные хрупкие двери.
Величавые сосны... В лесу
Всё мерцает в ладонях рассвета.
Свежесть утра с собой я несу
Как подарок зелёного лета.
Возвеличен природы покой.
Под безоблачным небом России
Я хочу затеряться душой
В этой тающей сказочной сини...

* * *

Была бабушка Катя
Не бедна, не богата,
От забот и хлопот
Лишь худа-суховата.
Была бабушка Катя
Не грешна и не свята,
А сыночка крестила –
Крестный – поп был известный,
Всё «керенки» хранила
В самом праведном месте.
Суетилась у печки,
Богу ставила свечки...
А когда-то носила
Золотые колечки,
Дорогие цепочки,
Расчудесные шали...
Да в войну то добро
Всё на хлеб променяли.
Была бабушка Катя
Жизнью бита и мятая,
Но пришли в сорок пятом
И её два солдата.
Всё платочком светлела,
Да глаза голубели.
Много справила дела,
Лишь старела-седела...
Была бабушка Катя
Не мала, не горбата,
Пахла хлебом и мятой
Её старая хата.
Была бабушка Катя...
Чай любила горячий,
Угощала нас с братом
Белым пряником мятным...
Была бабушка Катя...
Помяните, присядьте...

* * *

Душа моя, уйми меня,
Коль я себе противоречу –
Я назначаю звёздам встречу
Через туманные века.
Мне снилась времени река,
И белый парус нёс меня
К печальной пристани далёкой,
Где суждено ей, одинокой,
Томиться в лунных берегах.
Мне снилась времени река...
Куда она несла меня?
Я собирала всё по крохам,
Гуляя по былым эпохам,
Слепая, без поводыря...
Мне снилась времени река...

Пайлера БОЛОТОВА

Останься другом

Раннее июльское утро в деревне. Я открываю глаза и радуюсь: жаркое солнце щедро заливает светом всю избу – значит, день будет хороший, можно идти в лес за черникой. Лес – лучшее пристанище для моей души, утомлённой городскими проблемами и заботами.

После завтрака, с радостным настроением, выхожу на улицу. За деревней открывается широкая панорама поля, с трех сторон окруженного лесом, а над головой огромное, как океан, небо, и все это пространство купается в лучах золотистого света. В груди нарастает чувство восторга...

Трудно описать, насколько красив лес в солнечную погоду. Пока нет солнца, он стоит хмурый, словно обиженный человек, но стоит брызнуть солнечным лучам, как он мгновенно преображается, будто расцветает в ослепительной улыбке. Всё живое дышит, поёт, светится, и я – частичка этого сказочного пространства.

Люблю наблюдать за работой муравьёв. На поваленном дереве у них, как в метро, двустороннее движение, каждый тащит какой-то груз. Вот один взвился на себя по его меркам, наверное, здоровенное бревно. Оно явно не под силу, и при первом же препятствии муравьишко сваливается на землю. У другого груз намного меньше, и он несется с ним так резво, будто это соревнования в беге на короткую дистанцию: с легкостью преодолел одно препятствие, другое и вскоре скрылся из виду...

Ещё люблю, привалившись спиной к сосне, смотреть в небесную синеву. Стойкие стволы сосен настолько высоки, что, кажется, вершины упираются в небо. Если подует ветер, начинают тихонько раскачиваться и недовольно скрипеть.

Однажды, присев отдохнуть, я прижалась щекой к шершавой коре сосны и почувствовала тепло – будто в ней живая душа обитает. Наверное, так и есть. Не случайно сосну считают деревом экстрасенсом, она передаёт чело-

веку энергию, даже поможет справиться с той или иной болезнью.

… Я набрала почти полную корзинку черники, а уходить не хотелось: такое обилие сочных крупных ягод! Однако в лесу что-то переменилось, стемнело и стало прохладно. Где-то вдалеке зарокотал гром. Взглянув на небо, я поразилась его перемене: вместо ярко-голубого оно стало мрачно-фиолетовым. То и дело огненные зигзаги молний яростно чертили по нему, а гром всё ближе, всё сильнее… И вдруг раздался такой оглушительный грохот, будто все небо раскололось пополам. Полил дождь.

Грозу я боюсь и в то же время люблю. В ней столько величия, природной мощи и красоты, что это вызывает восхищение.

Однако надо спешить домой, а я не знаю, в какую сторону идти – не заметила, как заблудилась. Тут я уже всерьез испугалась. Не дай бог придется в лесу ночевать. Одежда вся вымокла до нитки, а снять нельзя: если суждено ночевать в лесу – комары сожрут.

И я начала молиться: «Господи, помоги мне найти дорогу. Я очень люблю лес и не хочу, чтобы он стал моим врагом. Пожалуйста, помоги!». Вообще-то, я не верю в чудеса, но вскоре невдалеке увидела двух мужиков. Они бежали от грозы во весь опор, и я бросилась вслед за ними. Догнать не смогла, однако из виду не упустила и вскоре была на дороге. Мужики исчезли, как привидение… Я спасена! Спасибо тебе, Господи!

Вскоре прекратился дождь, и снова засияло солнце. Уже уверенная и спокойная, я любовалась свисавшими с ветвей берез крупными каплями – они сверкали на солнце, словно бриллианты…

А урок запомнился. Лес иногда проверяет людей на прочность. Он каждого принимает в свои зелёные объятия, но порой не прощает легкомысленного отношения к себе и беспечности.

Любовь ДАНИЛОВА

Рупосы

Отрывок из продолжения повести
«Каменная птица папороть»

Мается чаячья душа. Река рождает весну. Сколь дён на то уйдет, никто не может сказать чайке. Наморозила зима тяжеленные льды, к апрелю совсем задушила реку, оморошила рыбу. Но вот, с верховьев начала прибывать весенняя живая вода, щекотать подо льдом, разливаться по краям заберегами. Оторвало лёд, вспутило, да нет у реки рук, чтоб его сдвинуть. Силой воды его поднять да в Студёный океан лёд вынести – трудна задача.

Быть бы птицей, увидеть всё, но не даны смертному крылья. Давно чайки прилетели. О чём кричат, пошто маются? В Тотьме лёд вынесло, да больно тяжёл? В Брусенце ледовые поля крошило, чтоб поднять реке легче? Не сладилось. Слишком морозы суровы были. Льдов толщу не в раз вода одолеет. Подсобил бы кто… Кричит чайка, что крылья – не руки. А время такое, что и её, крылатую, страх берёт.

Копит река силу – долго, муторно. За ночь по капле, на вершок воды прибывает, но днем быстрее дело идёт – к закату, глядишь, и на аршин лёд вздынет. Вот-вот добрёться до него, покрошил! Ух, тряхнула река берега, надломила ледяной хребет – пошёл трещиной!

Заторило Опоки льдом: на много сажен и ввысь, и вширь сложило меж опоцких утёсов ледовую плотину. Где ночным заморозком сковало – там дневным солнцем не перешибёт. Сызнова река силищу копит. Да не вышло б той водной силищи лишку! Когда пойдет молоть ледяная мельница – берегись живая душа: попадешь в ледоходные жернова – оторонков не соберёшь. А пока стоит река в Опоках.

Ниже по Сухоне – от Стрельны до Ёрги – раз-

водья, тиши да покой, рыбье царство, чаячий рай. Видно, надоело Сухоне ждать – сорвала лед, к Прилукам подвинула, туманом прикрыла, чтоб пока не пужались. Сакайте, люди, рыбу, кормитесь, птицы. Сёдни передышка вышла. Впереди страх.

Вот и мается чаячья душа. Поди, больше нашего ведает. Криками сердце рвёт...

...По схваченной утренним заморозком дороге лошадь бежала ходко. Закоковело всё, холодный туман лег на землю инеем. Вот и Лодейка. Шпиль колокольни да белый камень храма издалека видать. На сухом угорчике средь пихтовника погост да Успенская церковь – единственная в Ерогодском приходе, в версте от Сухоны, меж двух её левых притоков – Верхней да Нижней Ёрги. Церковка хоть и невелика, да ухожена. Приход народом прирастает, храм – приделами. Новая ограда вокруг погоста, каменные столбики мелькают слева – сливаются белые полосы.

Всё тихо на погосте было, да вдруг ударили на колокольне в набат.

Прознобило Серьгу, перекрестился, поклонился храму и спешно отвернулся с погоста на Выползово. Деревня тянулась до самой Сухоны, начинаясь под Согрой – борком, поднявшимся на бедной, песчаной почве. По правую руку от дороги – вереница изб, по левую – крутой обрыв в широкую долину Нижней Ёрги. В том конце деревни, что ближе к Сухоне, как нигде открывался обзор и на обе реки, и на селения в ерогодской пойме, и даже на дальние сухонские Прилукки и Ровдино.

Ёрга в устье гуляла: от коренного сухонского берега, на котором стояло Выползово, до известняковой гривки, веками подмываемой и ежегодно рушившейся чуть ли не на аршин, – отъедала ненасытная речка землю у деревни Соколово. Нижняя Ёрга, смирёная летом, в весенний паводок грызла берега, протаскивала в устье валуны, крошила плиты известняка. Дальше за гривкой, среди жирных пойменных лугов – ещё несколько деревень, последние из которых, самые беззащитные –

Рупосово и Соловьёво – дворами жались к сухонской слуде, как к левому столбу гигантских ворот, распахнутых Ёрге для встречи с Сухоной.

Остановив коня, с нарастающей тревогой, с замершим сердцем, оглядывал Серьга раскрывшееся перед ним пространство. В висках застучало. Надёжа ли он и близким своим, и соседям, и всем наследникам здешних мест? По силам ли бремя? Впервые после гибели старика Рупоса (сколько лет с того ледохода минуло – три? четыре?) ему, и никому больше, придётся решать да исправлять неладное. Выход у реки один, и у него нет другого.

Всё пространство от Выползова до Соколова забито льдом, а сухонский лёд продолжает напирать, заполняя пойму Ёрги. Где речка была, и не поймешь. Льдины теснятся, выпирают, вскидываются и застывают стамиком. Крыши Соколова едва виднеются из-за их частокола. Левее, выше по течению Ёрги, не выдержала напора и мельничная плотина: повсюду поверх льда валяются искореженные, изгрызенные в щепу брёвна – ровно страшная буря ломала их. К редким полыньям слетаются чайки, кружат в поисках рыбы, не найдя – злобно клюют друг друга. Их истошные голодные крики разрывают душу...

Андрей КЛИМОВ

Дворняга

Насмотревшись на ноги и слякоть,
Не дождавшись другого кино,
В тихом дворике чья-то собака
Разогнула цепное звено.
Захотелось ей солнечной доли,
Захотелось ей жизни иной!
Вот бежит, и два метра неволи
Недовольно звенят за спиной.
Люди с тропки отходят в сторонку,
А вдали, где осталось «вчера»,
Словно вдруг получив похоронку,
Плачет в осень её конура.

Творчество

Снег опять мельтешит за стеклом,
Как худые, никчемные строчки.
... Я и сам часто рву все листочки,
Если строчки не дышат теплом,
А потом смотрю тихо вокруг –
Потемневший, пустой, равнодушный.
Нелегко строить замок воздушный,
Когда падает воздух из рук...

О Родине

От мороза попряталась мошка,
Ну, а ветру не страшен мороз.
Он берёзу от нас, как гармошку,
Чуть за тёмный овраг не унёс,
Да подумал, что есть там другая,
И оставил сверхчуткую мне.
Но, увы, в сентябре не сыграю
Я на ней о любви к тишине.
О любви даже к маленькой тропке:
Слуха нет, да и с ним бы не смог
Так сыграть, чтобы сыпались кнопки,
Как у ветра, вон там, у дорог.
Как у ветра, что чувства не прячет,
А здесь ходят не только друзья...
Я сыграл бы! Но как-то иначе,
Но о Родине «как-то» нельзя.

Лето. Полдень

Мне кажется, сегодня даже ветер,
Сдувая пот, страдает на лугу.
И потому, забыв про всё на свете,
Я на реку прохладную бегу.
Бегу, бегу, от солнца очумелый...
И вдруг в глаза, что молния! О вид!
На пляже равнодушном город целый
Уже цыганским табором стоит.
А позади, где цвел мирок чердачный,
Как грустный пёс, мигает пустота,
Как будто Бог рисунок неудачный
Убрал с позеленевшего листа.
Но ничего... Быстрей в струю косую,
Чтоб мозг мой хоть немного поостыл!
А город что... Я город нарисую –
И даже покрасивей, чем он был...

Звезда Поязья

Ворон

Ещё утром растрёпанный ворон
 Разговаривал с тихим крестом,
 А сейчас на вершине угора
 Молчаливо лежит под кустом.
 И к нему тень зубастой ограды,
 Словно кошка, ползёт по траве.
 Птицы этой потере не рады,
 Птицы ищут его в синеве.
 Еще ищут! Головками вертят!
 Но не видят, не слышат тепла...
 Терпеливо он ждал моей смерти,
 Но своя его раньше нашла.
 И, шепнув над березовой рощей,
 Мол, браток, твоё время пришло,
 Заменила ему, как стекольщик,
 Вековые глаза на стекло...

Зинаида КУЗНЕЦОВА

* * *

От рассвета к закату –
 ни минуты покоя...
 И, спешим все куда-то –
 что же это такое?
 Не пора ль оглянуться
 да подумать о вечном...
 Продолжаться не может
 наша жизнь бесконечно.
 Где-то там, за пределом
 ждут другие заботы,
 И никто уж не спросит:
 «Где ты, с кем ты и кто ты?»
 И не надобно думать
 там о хлебе насущном –
 Сохранить бы, сберечь бы
 нашу грешную душу...
 О, мой ангел-хранитель,
 помоги разобраться,
 Как пройти через фальшь
 и собою оставаться?
 Ведь кругом столько хамства,
 лести, лжи и коварства,
 Помоги удержаться,
 уведи в своё царство,
 Где главенствует разум –
 Высший разум
 с Любовью...
 Пусть всё это не сразу,
 но к небесному крову
 Дай душой прикоснуться
 и испить чашу правды.
 Пусть все слёзы прольются,

Звезда Поязья

в мире слёз дай отрады.
 И, поведай о вечном,
 укажи путь слепому,
 Снизойди ко мне –
 грешному человеку
 земному...

* * *

Была когда-то юной и цветущей,
 И чем владела – я не понимала...
 Казалось, буду вечно хохотушкой,
 И что придётся плакать, я не знала.
 Но юность пролетела незаметно –
 Остались яркие картинки...
 Боже правый!
 Вся молодость была –
 Сплошное лето.
 Ласкали пятки шёлковые травы.
 Светило солнце ли,
 Сияли звёзды,
 Луна ль в глазах счастливых
 Отражалась –
 Всё это будет вечно –
 Мне казалось,
 К причалу Счастья
 Не зайдут невзгоды...
 Теперь, когда мне
 Минуло полвека –
 Смотрю я в юность
 Трезво и печально.
 Я знаю цену счастья
 Человека.
 Я знаю цену музыке
 Венчальной...

* * *

По седому росному лугу
 Ранним утром пройду босая,
 За собой, как за лёгким плугом,
 Изумрудный след оставляя.
 И в росинке, нагнувшись ниже,
 Отражение ромашки увижу.
 Не дыша, на цветок-малютку
 Налюбуюсь всего минутку...
 Солнца летнего лучик жаркий
 По траве пробежится мигом –
 Нет росинки с ромашкой яркой,
 И пойду с изумлённым лицом
 По цветам и травам зелёным...
 Я гляжу на весь мир влюблённо
 И под чистым небесным сводом
 Молодею душой с каждым годом.

* * *

Солонихе посвящается

Край северный. Белые ночи...
Чаша с водой солёной.
Не иссякаем источник
В ложе травы зелёной...
Всё здесь знакомо до боли –
Сосны, берёзы всё те же,
Клевер, купальницы в поле,
Только в домах всё реже
Топятся печи. Застыли
Крыши в седом забвении,
И не мычат коровы
Под петушиное пение.
Где-то вспахано поле,
Где-то ивняк, как барин...
Волей или неволей
Дом оставил хозяин.
Кажется мне, что плачет
Светлым дождем округа.
Слёзы копятся в чаше –
В каменном вечном круге.
Слёзы копятся в чаше,
Лечат людские боли...
Тянет сюда всё чаше
Волей или неволей.
Умыться водой солёной,
Припасть к земле, пряча слёзы,
Слияться с травой зелёной
Там, где шумят берёзы...

Ольга КУЛЬНЕВСКАЯ

Платье с ромашками

Дверца платяного шкафа распахнулась, впустив внутрь сноп солнечного света, наполненный толпой танцующих пылинок.

Свет ослепил старое шёлковое бабушкино платье, висевшее самым первым на деревянных плечиках. За ним аккуратно и плотно теснилась другая бабушкина одежда – коричневый осенний плащ, зимнее пальто со слегка потёртым пушистым воротником, вязаная кофта...

Когда-то платье было праздничным и очень нарядным. Сейчас гладкий шёлк потускнел, тонкий белый поясок чуть пожелтел от времени. Только крохотная брошка под воротом по-прежнему, как и много лет назад, таинственно мерцала, вспыхивая разноцветными искрами. Платье зневало лучшие времена, когда молодая и счастливая хозяйка шла в нём в кино, в гости или на прогулку со своим мужчиной. Оно до сих пор помнило прохладное и влажное прикосновение душистых цветов, когда хозяйка прижимала к груди подаренный ей букет, а ещё – заботливые и крепкие объятия всё того же мужчины, полные искренней любви, и радостные, лёгкие детские объятия... Всё это давно минуло и уже стало забываться в душной тесноте шкафа.

...Платье слегка колыхнулось взволнованно навстречу – хозяйка давным-давно не надевала его, и оно тосковало по прошлой жизни. Но бабушка лишь ласково коснулась его шершавой ладонью и осторожно сдвинула в сторону, а рядом повесила – на блестящих пластмассовых плечиках, маленьких и изящных – детское летнее платьице. На нём по зелёному полю весело разбегались наперегонки с божьими коровками белые ромашки.

– Будет Алёнке подарок от меня, когда приедет в гости, – сама себе сказала бабушка и притворила дверцу.

В шкафу вновь наступила темнота, лишь в узкую щёлку проникала солнечная полоска. Она падала как раз на новое платьице, пересекая зелёное поле и деля

пополам несколько ромашек и божьих коровок.

Гость открыл сонные глазки, тоненько чихнул от запаха нафталина, витавшего в шкафу, и спросил за-спанным голоском:

– Где я?

От него пахло новой тканью, магазином и даже немножко – так показалось старому платью – самыми настоящими ромашками.

– В бабушкином доме, в ее шкафу, где она хранит одежду, – улыбнулось старое платье. – Тебя, очевидно, купили в магазине, чтобы подарить девочке Алёнке, бабушкиной внучке.

И грустно вздохнуло.

Новый сосед снова чихнул от дошедшой до него волны нафталина, к которой примешивалась едва уловимая, застарелая нотка духов, и поинтересовался:

– А почему у Вас такой грустный голос?

– Потому что моя история кончилась. Меня уже давно не надевают, и приходится висеть здесь без пользы...

– А какая у Вас история?

– О, очень большая, – снова вздохнуло шёлковое платье, отчего услышало в ответ очередное тоненькое «Апчхи!» – У каждой вещи есть своя история.

– Прошу Вас, пожалуйста, не вздыхайте! – вос-клинуло ромашковое платьице. – Лучше скажите: а у меня тоже есть история?

– Конечно. Твоя история уже началась, ведь ты – будущий подарок.

Пальто, плащ и кофта помалкивали, прислушиваясь к разговору. Разумеется, у каждого из них тоже была своя история.

Ромашковое платьице качнулось на плечиках, глянуло в щёлку. Оттуда был виден угол стола с розовой скатертью и солнечными бликами на ней.

– А у стола тоже есть история? – платьице шевельнуло складками.

– И у стола тоже, – ответило бабушкино платье.

– И у скатерти?

– И у скатерти...

– У всех-у всех?

– Конечно.

...А потом приехала Алёнка. Она звонко целовала бабушку в щёки, смеялась, обнимала и тискала её маленькими ручонками, прижимаясь лицом к старому бабушкиному халату...

Новому платью она очень обрадовалась. Надев, долго вертелась перед зеркалом, любуясь ромашками и божьими коровками. Потом взмахнула руками, крутанулась вокруг себя на одной ножке, отчего подол платья вздулся весёлым колокольчиком...

«Ах, как красиво начинается его история, – с улыбкой подумало бабушкино платье, наблюдая за происходящим в щель приоткрытой дверцы. – Пусть она будет долгой и счастливой...»

Впрочем, у детских платьев история не бывает долгой, ведь дети быстро вырастают. А что делают с одеждой, когда она становится мала?..

Хотя, если подумать...

Юрий ОПАЛЕВ

Бабкин разговор

Под царящим над миром, обмытым дождями, покровом небес стояла благодатная пора бабьего лета. По белым улицам, замершим в своем зеленокудром убранстве, гулял долинный ветер, и краснобокие гроздья, напоенные соками земли, качались в рябиновом тепле.

Я брел по проспекту неспешно. В умиротворенном покое и с думами о насущном присел передохнуть на скамейку, что стояла поодаль от лона светлых речных вод. Тотчас же к соседней скамейке, упрятавшейся под ветвями разлапистой ели, покашливая да покряхтывая, подошли две старушки, опираясь на батожки, тоже присели.

— Сколь годов-ту мы с тобой не видались, Лидийка, а ты все эдакая же!

— Ой, куда там, Серафимушка, попустися-ко давай! На Николу-ту Вешнева восемьдесят ведь годов минуло.

Дак каково поживаешь-то ноне?

— А худо, девка!

— Давай-ко, давай-ко, пошто эдак-ту, милушко?

— А десять дён топерь в больнице вылежала… Едва и росчапалася!

— Господи, помилуй, а чево это?

— А куды от испытаний Божьих-то денесся — никуды не денесся! Ну-ко старики-то у меня убрел в огородец, я и пошла во хлев козлухам надавать. Кадцу-ту с водой подняла, дак тово же разу до чево лихо стало — разогнуться не могу. Ой ведь, ой ведь! Сколь годов со стариком в колхозе робили на кормозапарнике да на ферме — никакой сутлемы не приставало. Не ревматизма, не давленья, а топерь — на-ко тебе тресцю какую ишо надавало!

— Пошто упластываетесь-то эдак, Серафимушка, помогчи-то ведь вам есть кому!

— Внучка-та? Ой, какие оне помощники? Не пехла, не голика в руки не бирали. Опять с новым дролей склеснулась, дак ноне так неуписанными и живут!

— Господи, помилуй! А хто такой?
— Годов много, плешивой, а богатенькой!
— Ой-ей-ей!

— Не робят негде, все куды-то ездят! Тово году, знашто, в амараты какие-те лешаковые, а сей год унесло опеть на греблю в катимаране — хто их знает и куды! А сами-то, девка, мы со стариком и пышкаем ишо, ровно худые грачи в пустом гнезде! Не-е! Помогчи-то уж топерь нам некому не смогчи! А в деревне — не школы, не медсестры, не ралька уж и нету-то!

— А куды оне подевалися?

— Начальники-те нонешные, чуешь, все нарушили да всех поувольняли! Все только напокась людям!

— Ой, милая, поминать тету Густю — то ли ишо будет! А зовется это у их — оптимизация! Этта-то у нас не басчее, чем у вас ноне. Эдакая же омега кругом. Как не начальник какой ли делехтор — тот и оптик! Ну-ко, сколь людей поувольняли! Не куды и не денешься! Мы вон со стариком моим сколь годов на судоремонтном отробили! Нехто и «наплевать»-ту нам не говаривал — во какое уважение нам было! Каждый год нас на почетную доску вешали, — сердцу любо, вспомянешь дак! А топерь чево? Робили-робили и все прахом!

— Ой, и нас на доску-ту эдак же весили в день-от колхозника. Как поди-ко не любо было! Ой, чево и поминать про то — токо опеть андреялину добавится и боле ничево! А каково у тебя сам-от поживает, Кин-стинтинг-от?

— Ой, одно согрешенье! Ноне опеть руку сломал!

— Пошто это, как это?

— А слизко шибко было на мостках-ту, а он за мангарионом и побрел, да на руку-ту и пал! Сколько писали в ЖКХ ихнюю: примайте меры, старухи на льду валятся! Ты подумай-ко, хошь бы палец об палец хто колонул! А старики-то, знашто, мисяц целой на дреньсанваль да к «медведю» выходил! А толку-ту? Рука-та худо володеет.

— А с огородцем-то сей год как управляетесь?

— Как, как — друг на дружку опираемся, маемся да вперед пехаемся! Вот эдак! И картови, и огурцей, и

всево наростили, слава Богу!

Я с интересом прислушивался к тихому старобытному говору удивительных владетельниц неизживающей правды жизни. Они, должно быть, в деревне у одного плетня родились, в единой правде, вере и любви выросли, из одной чаши судьбы напитались...

— А у тебя-то, Лидийка, внучка-та, старуха, к вам ездит ли?

— Ноне в Сыктывваре на аблаката учится, чуешь, в университете. Выладилась в тот-от год, приехала. Волосьев на голове нету, ногти в черном, и в носе сережка — ты подумай-ко! Ровно сопля какая золотая, прости Господи! А одежи на ей — из двух носовиков и то боле накроить можно. Наклонится, дак все места на воле! Это, говорит, бабуля, мой бренд! А сама в экран-от токо пучится! Глянула и я туды, лихо мне стало! Вытягивает на меня рожу мужик, ровно ростпетушье какое, весь в волосьях, сам в красных трусах и морда волчья на рубахе! Я спрашиваю — это хто? А это, говорит, мой бой-френд, бабуля!

— Ой, Лидиошка, все они ноне, поди, сбрендили да сфрендили! Лонися эдак не бывало, не-е!

— Некуды не денесся, милая, времена эдакие.

— А драть бы их пушше, дак и времен бы, поди, эдаких не пришло!

— Ой, эдак, эдак, милая!

— А Митрий-от мой с войны пришел, помню, дак шибко до девок-то ловкий был. Принесет, бывало, кулек с лампансеей, да так вежливо и запошипывает меня сзади-то: «Ну ты чево, Симка, давай, буди, а?» А я-то никак не поддалася. Жонись, говорю, а тогда хошь ложкой хлебай, а покуда и лизьти ко мне нечево! Эдак вот!

— Ой, чево тут говорить! Дочка-та моя, Галинка-та, с Сыктыввара по могильнику-ту и звонит третьева дня. Девка-та уж беременная. Из обсожития выгнали и к испытанию на аблаката не допустили. Говорят, рожай, а потом уже за дипломом приходи. У матери-то, чуешь, сердечный приступ был.

— Наплевай-ко ты расстраиваться-то! Нам топерь чево — кефиру, зефиру, да тёплова бы сортиру! А давето удумала я рукотерник обшить. Выняла иголку, нитку... Стала вдергивать, а вдернуть нитку-ту не могу, ушко вертается в пальцах — чего хошь делай. Так и не вдернула! Кабы и ваша девка эдак же верталася, дак, поди-ко, дородно все и было бы! А слышь-ко, френд-от еённый где-ка?

— Ой, Серафимушка-а! Каку тресцю! У ей топерь не бренда, не френды, не диплома — одно пузо к носу!

— Да-а, вот эдак вот! Божья вода — по божьей земле бежит. Молиться, милая, за их надо шибче, дак, поди толку-то больше и будет у их!

— Как, поди-ко, не так! Твоя правда...

С младых ногтей напитанные от злака старорусской нравственности, старушки сердито завозились на скамейке и запостукивали бадожками по тротуарной плитке. В ту минуту я враз почувствовал, как все существо мое словно бы замерло перед каким-то таинственным сказителем, что неустанно раскручивал перед взором моим многоцветное полотно жизни...

— А третьева дня иду я по Советской, а на дороге-то булка белая лежит — маленько надкушена да брошена. Молодые-те девки идут, папиросами дымят и нехто из их хлеб-от с дороги не подымет!

— Ой, девка, все оне упитанные, только не шибко воспитанные. Обожди, ужо то ли ишо будет, молодяшки вон какие окоздерки! Имя не шибко накомандуешь. Хошь их смоли да ко стенке станови!

— Ну вот, хлеб-от я подняла, перекрестила да на скамейку и поклала...

— Слава Богу! А помнишь ли, какие очереди в тридцать-то семом годе за хлебом в Устюге были?

— Как не помню! Ночь стояли да номера на спинах в очереде-то мелом писали!

— Эдак, эдак! Буханку-то мне дали уж утром... бегу домой, радуюсь. Парнечек в драной рубахе подбежал, хлеб от у меня и отнял. А я чево — робенком ведь была! Иду, вся уревелась. Дома-то мамушка моя — царствие

небесное! – обняла меня и гладит по головушке: «Оне сосланные, милая, не жалей хлебушка-то им. Им ведь тоже ести-то охота!» А дедко-то у насшибко сердитой был. Икону достал, становись, говорит, на колени да клади перед образом двенадцать поклонов. Знать будешь, как хлеб берегчи!

– Ой, берегли, ишо как берегли! В войну-ту каку нам пайку давали на оборонной-то работе – съешь и опеть голодная!

… Я все слушал и слушал… И увиделось мне в те минуты, как в тихие струйки их словесного родника одна за другой падают и растворяются горькие капли многотрудных людских судеб.

… Потом седовласые подружки поутыкали в плащочки покрасневшие от слезинок носы, и одна из них положила таблетку под язык:

– Ой, чево-то опеть к сердцу заприступало да голову окружило…

– Да как, поди-ко, не заприступает, Серафимушка-а! Сколь ведь жита-то у нас пережито – не одной ведь меркой не перемерять!

В голосе старушек звучала несварливая усталая хрипотца…

А я еще долго-долго вслушивался в воспоминания их о пережитом голоде, непомерном труде, о страшных следах, что оставила в их жизни война, и обо всем, что только может выдержать дух и плоть русского человека на русской земле!

Талина ПЛЕПНЁВА

* * *

При удобном случае
Подойду к тебе
И скажу, что лучшее –
Ты в моей судьбе.
Не изволь тревожиться,
Все идет путем:
Доброе – умножится,
Боль – переживём.
При удобном случае
Стороной пройду:
Вдруг испорчу лучшее
Я в твоем саду?

* * *

Прикосновение печали –
Укор оставленной мечты.
Я помню, как они кричали
В ночь – разведенные мосты,
И как Вселенная гудела,
Сердца людей набатом жгла.
Моя Мечта! Ты не допела,
Не долетела, не дошла.

Фарисеям

Отвергнув истины простые,
Святой Закон пятой поправ,
Вы, обходя пути крутые,
Живёте, неба не познав,
Бывает, и меня гордыня
Зовет на свой презренный пир,
Где сердце в липкой лести стынет,
Ступая в ложно-сладкий мир.
Пусть не коснусь ворот у рая
И сгину в голубом огне!
Мой мир для вас – недосягаем,
А ваш – неинтересен мне.

* * *

О, утро северного лета,
Плесни тепла в мой бедный край!
Утешь надеждою рассвета,
На флейте ветра поиграй!
Оставь для осени прохладу,
Уйми порыв грозы шальной,
А облаков тяжелых стадо
Отправь в пустынный край степной.
Вот-вот дохнет остудой ветер,
Спадет листва на грязный снег...
Как мало теплого на свете
И света в мутных водах рек!

Василий СИЛНИКОВ

* * *

Душа стремится к миру и забвению,
Уединеню в замкнутой тиши.
Поэтому в порыве окрыленья
Меня в толпе бурливой не ищи.
Я не спеша уйду в лесные чащи,
Вдыхая жадно воздух смоляной.
Лишь этот мир, живой и настоящий,
Ещё привычно властен надо мной...
Лишь этот мир спокойный и желанный
Хранит начальный отзвук обо мне.
Когда дух леса, дымкою туманной,
Мелькнул и растворился в тишине...
И я, взглянув на вековые кроны,
Вдруг ощутил, что на своём стою.
Расправил грудь легко и просветлённо
И окунулся в чистую струю...

Колодец

Жарким ковшом
Опорожнило солнце озёра,
Тощею змейкой
Струится вдоль поймин река,
Никнут хлеба,
Обещая сказаться разором,
Травы на взгорках
Белёсо метут облака...
Скот на убой
Поведёт гуртовщик бесноватый,
Вершу в сарай
Озлоблённо забросит рыбак.

Вспыхнут леса,
Огневою стихией объяты,
В едком дыму
Задохнётся безлюдный большак...
С рыси на шаг
Запотев, перейдёт иноходец,
С шумом в ушах
Покачнётся наездник седой.
Только в отложине
Старый, глубокий колодец
Будет поить и поить всех
Свою чистейшей водой...

Третий спас

Вёдро или непогодится –
Всё на этом свете знаково.
На Успенье Богородицы
Небо Божью мать оплакало.
От икон, да с добрым помыслом
Помяну свою заступницу.
Может быть, Сыновьим промыслом
И мои грехи искупятся...
И тогда легко отринется
И тужиль, и суеть вздорная.
Чтоб с Успения подвинуться
К Образу Нерукотворному...

* * *

Подо льдом удивительно чисто,
Рыбья молодь стоит в тишине.
Будто кто-то рассыпал монисто
На песчаном, просвещенном дне.
Подо льдом удивительно гладко,
Оттуюжила «складки» вода.
Лиши замоина с цепкою хваткой
Не дает здесь кидать невода.
Подо льдом, в этой глуби застойной
Чей-то смысл бытия, чей-то «дом».
Подо льдом так светло и спокойно,
Под моим, нарастающим льдом...

* * *

Придёт отец,
И мать придёт,
Придут друзья,
Придут собратья,
Весь драгоценный
Мой народ,
Все те, кого
Смог потерять я.
А те, кто мне
И ныне рад,
Слегка взгрустнут,
Поставят свечи,
Благословенно осенят,
И я уйду
На эту встречу...

Антонида СМОЛИНА

Кошкодёрка

Танька была нагулянной. Об этом ей регулярно сообщала бабушка. Так и говорила: «Чего от тебя ждать-то, от нагулянной?». После чего непременно уходила в размышления о Танькиных родителях: «Нет бы на кого стоящего запала (это про Катерину, мать Танькину), а то сама пустоголовая, он (отец то биши) – ни кожи, ни рожи, вот и выродили детскую».

Танька к бабушкиным речам привыкла, хотя иногда ей хотелось узнать что-нибудь еще про своих родителей.

Анна Егоровна, так звали Танькину бабушку, всю жизнь проработала телятницей в совхозе, за что имела удостоверение «Ветеран труда», поздравительную открытку ко Дню работника сельского хозяйства и мучительный артрит, скрючивший почти все суставы ее некогда могучего тела. Однако характер у этой старушки был тот еще: с надуманным ее не своротить, а вот за обиду можно было понаслушаться.

Катерина была ее единственной дочерью. Отца она никогда не знала, ибо молодой муж Анны Егоровны убит был упавшей сосной на делянке через три месяца после свадьбы. Мать, понятное дело, работала от зари до зари – все-таки одна девку воспитывала. Выросла Катерина как-то незаметно, после школы уехала в Северодвинск учиться на закройщицу, а уже к лету вернулась тяжелая. Поругалась Анна Егоровна, погремела крынками, да делать нечего.

Мать из Катерины получилась хорошая, да только не суждено ей было воспитать Таньку до полного возраста, оставила сиротой, едва той исполнилось четыре годика. Скрутило Катерину быстро: Рождество встретила на больничной койке, а в Крещенский сочельник ей уже готовили другую постель – топорами да ломами воронили промёрзшую глину.

Так и остались Анна Егоровна с Танькой вдвоем. Матери Танька почти не помнила. Только смотрела

порой на ее фотографии и думала, что лицо у этой женщины такое знакомое-знакомое... Хотя не оттого ли, что фотографии были изучены ею вплоть до самой маленькой чёрточки?

Танька росла тихой девочкой, со своими какими-то укромными делами и заботами, которые, правда, не всегда одобрялись ее бабушкой. Анна Егоровна считала, что растить Таньку надо в строгости, и за провинности наказывала. Ремня в руки не брала, зато на язык острые были, до слез Таньку в два счета доводила. Особенно Егоровне удавались всякие обзывательства. Так, за любовь к кошкам, она стала Таньку кошкодеркой дразнить. И вроде страшного ничего в этом не было, а все-таки при бабушке Танька на кошечку уже не смотрела. Исключением была только Муська – шустрая черно-белая кошечка, которую Егоровна держала, чтобы мышам спуску не давать. С Танькой они были не разлей вода: Муська, как хвост, всюду следовала за юной хозяйкой.

По весне кошка заметно округлилась. «Опять не меньше шести выродит!» – возмущалась, глядя на нее, Егоровна и пыталась высчитать срок, когда ждать пополнения. С котятами старушкаправлялась быстро: выносила новорожденных под тополь, увешанный вороньими гнездами, и оставляла на волю крылатых хищников.

В этот раз все пошло не по плану. В июне живот у Муськи пропал. И сама она почти перестала бывать дома. Ясное дело, родила где-то. Вот только потомство кошка умело прятала. Сколько не пыталась Егоровна ее выследить, все впустую: поводит ее Муська кругами возле дома, да и сбежит незаметно.

Как-то раз, когда бабушка ушла к соседке посидеть, Танька увидела Муську на тропинке у бани. С кошкой явно было не все в порядке. По дорожке она не бежала, как обычно, держа хвост трубой, а медленно ползла, перебирая передними лапами. Танька рванула к своей любимице. Муська, Мусечка ее буквально была разодрана. Видно, встретилась ей на узкой дорожке чья-то собака. Как только кошка вообще смогла от нее вырваться!

Танька боялась прикоснуться к истерзанному кошачьему тельцу.

— Милая моя! Хорошая моя! Ты поправишься! Ты обязательно поправишься! — причитала она, и на окровавленную шерсть крошились Танькины слезы.

— Муся, Мусечка! Кис-кис-кис! — Танька попыталась подозвать кошку к бочке с водой, чтобы там, в тенечке, смочить ее раны. Муська же из последних сил карабкалась в сторону бани.

— Котята! — вдруг озарило Таньку. — Там её котята!

— Покажи мне, где они, Мусечка! Я помогу тебе. Я обещаю тебе, я никогда вас не брошу. Только не умрай, прошу тебя, не надо умирать...

Кошка не смогла исполнить Танькину просьбу. Все её тело вдруг выгнуло в дугу, дрожь пробежала по нему от ушей до кончика хвоста, и Муська замерла без движения.

С трудом Танька обнаружила небольшой лаз под свод бани. Исцарапавшись о поленницу, ломая ногти и обжигая колени крапивой, она всё же пробралась в Муськино укрытие. Там, в тую свитом гнезде из старого сена и опилок, смешно уложившись горочкой, спали пятеро малышей. Танька ткнулась носом в эту пушистую горку, вдохнула запах молока и нагретого сена и горько, взахлеб заревела. Разбуженные котята в недоумении цеплялись коготками за её волосы, лезли мокрыми мордашками ей в лицо и все пытались ощупью обнаружить в ней мамку.

Котята были совсем маленькие. Танька стянула из бабушкиной аптечки пипетку и кормила их сметаной — так они быстрей наедались и дольше спали. Притащила им старое детское одеялко и плюшевого медведя. Котята присасывались к нему и громко чмокали. Девочка лежала рядом и шепотом рассказывала им про Муську: ей ли не знать, насколько важно помнить свою маму.

А через пару недель тайна была с блеском раскрыта Егоровной. Котят извлекли на свет Божий, над Танькой же нависла небывалая гроза.

— Ах, ты, кошкодёрка! Выкормила на свою голову!

Куда мне столько кошек? Скажут, совсем Егоровна с ума спятила. А я ни сном, ни духом. Говори, где научилась от бабушки таиться? — Долго Егоровна отчитывала плачущую Таньку.

А после как отрезала:

— Чтобы сегодня же их тут не было!

— Бабушка, куда же я их дену?

— Знала, как прятать — знай, и куда девать!

В отчаянье Танька понесла котят под тот самый тополь. Из-за слез она не видела дороги, шла, будто пьяная, крепко прижимая к груди коробку с котятами. Положила свою ношу под деревом, а сама в беспамятстве повалилась в траву.

Долго ли там лежала Танька, она не поняла, но разбудили ее знакомые коготки и мокрые мордашки, которые привычно путались в ее волосах. Окрепшие на сметане, котята смогли сами выбраться из коробки.

Танька сгребла своих подопечных в охапку и побежала к бабушке. Почему-то ей вдруг показалось, что бабушка сможет понять и простить ее. Танька неслась домой, не чувствуя дороги под ногами.

Однако гроза еще не прошла. Егоровна завелась не на шутку.

— Мне кошек не надо — и точка. Сейчас же убирай! Чтобы духу твоего не было, пока не уберёшь!

— Бабушка, их вороны не едят, они уже большие, — попыталась оправдаться Танька.

— Мне какое дело! Сама вырастила. Бери лопату, иди, закапывай.

— Они же живые! — захлебнулась в рыданиях Танька.

— Велико дело — живые. Это кошки. Они, как тараканы, плодятся. Куда их девать-то? Убирай, кому говорю!

Танька закопала котят. У дороги она вырыла небольшую ямку. Постелила в нее травы. По очереди брала котят и складывала горкой — так, как увидела их впервые. Они расползались, натыкаясь друг на дружку, переворачивались на спину и сучили лапками, пытаясь выбраться из ямы. Танька уговаривала их, целовала и складывала обратно. Потом зацепила лопатой земли и

сыпнула на них сверху. Влажный песок не смог прорваться в густой подшерсток котят и скатывался с них, словно вода со смазанной сковороды. Малыши наперебой замяукали и стали еще активней карабкаться из ямы. Танька снова сыпнула земли. Потом еще и еще. А после прижала ладошками бугорок, из-под которого все еще неслись сдавленные звуки.

Домой она вернулась затемно, молча разделась и легла спать.

Про этот случай в доме Егоровны никогда не говорили. Танька с тех пор стала ещетише и послушней. Осенью пошла в первый класс. Училась на одни пятерки. Егоровна с гордостью показывала ее дневник соседям.

...И только много лет спустя, глухой февральской ночью, в душной палате районного дома для престарелых, тоскующая Егоровна вдруг вспомнила, как заплаканная Танька прижимала к груди коробку с котятами...

Елена ФИЛИМОНОВА

Грустные сказки

Ты пришёл в мою жизнь как цунами:
незданно, фатально,
Ты цинично разрушил
мой маленький красочный мир
И, решив, что весна без мечты –
это тоже реальность,
Оставляешь меня
в полумраке безликих квартир.
Что мне время теперь?
Лишь секунды для поиска цели,
Лишь короткие всполохи
пламени мёртвых свечей,
Лишь простые картины
в прозрачных тонах акварели,
Что давно позабыты,
затеряны в блеске огней.
Ты пришёл в мою жизнь,
не пытаясь оставаться надолго,
Без сомнений ломая
привычный уклад моих дней.
Мне чуть легче на уровне мыслей
вести диалоги,
Чем рассказывать грустные сказки
под шёпот дождей.
Я, пожалуй, останусь одна
до скончания века –
Это легче, чем верить в то счастье,
которого нет,
Это проще, чем быть для кого-то
«не тем человеком»,
И искать на привычный вопрос
не банальный ответ.

На осколках мечты

Привыкаю дышать пустотой,
не меняя маршруты,
И делить свою жизнь
на привычные «после» и «до».
Для чего-то плывут
по бескрайнему кругу минуты,
За собой не оставив
и призрачной тени следов.
Научилась ловить
в тишине различимые звуки,
Слушать, как разбиваются,
падая, капли дождя.
Иногда возвращаются мысли
к причинам разлуки,
В дневниках оседают
фрагменты ушедшего дня.
Я искала в осколках мечты
отражение счастья.
И, пыталась сберечь в непогоду
следы на песке.
В мою жизнь ворвалось неожиданно
это ненастье.
Вместо летних цветов
собираю сомнений букет.

Тихая паника

Как назвать моё состояние?
Очень просто – тихая паника.
Для меня любовь – испытание
В переходном возрасте памяти.
Я теперь серьёзная, мудрая.
Слишком быстро юность закончилась.
Знаешь, я считаю безумием
Сочетанье имени с отчеством.
В прошлое уходят сомнения,
Начинаю мыслить по-новому.
Запишу в дневник откровения –
Скоро это станет историей.
Вспышки догоревшего пламени,
Всполохи измученной памяти.
Как назвать моё состояние?
Очень просто – тихая паника.

Патрияна ЯДРИХИНСКАЯ

Новогодний кулёк

Я с нетерпением ждала наступления Нового года. На дворе стоял лютый холод. Сорокаградусный мороз щипал нам щёки, нос, заставляя сильнее кутаться в серые и коричневые шали. Но радостное ощущение предстоящего праздника не покидало. На уроке труда мы мастерили бумажные упаковки для новогодних кульков, а на уроке рисования раскрашивали их. Кто рисовал Деда Мороза, кто – Снегурочку. Мы с подружкой Веркой усердно изображали елочку с разноцветными шарами, затем печатными буквами красиво написали: «С Новым 1963 годом!»

И вот он, долгожданный день! Нарядная, стройная школьная елка возвышалась до самого потолка. Большинство игрушек на ней были сделаны учениками на уроках труда – гирлянды из разноцветных флагов, белые снежинки, цветные бумажные фонарики, рыбки и зверьки, выстриженные из картона и обклеенные с двух сторон фольгой из-под чая. Большая пятиконечная звезда красовалась на самой верхушке. Учитель Дмитрий Арсентьевич играл на гармошке, а мы пели песни, водили хоровод вокруг зелёной красавицы, читали стихи. Дед Мороз то и дело снимал с ёлки конфеты и вручал очередному чтецу или танцору. По окончании праздника он открыл свой большущий мешок и стал раздавать кульки – те самые, что мы старательно готовили для себя.

Ура! Завтра 1 января – начало новогодних каникул. Можно бегать, сколько хочешь, кататься с горки на лыжах и санках, лазить по сугробам, а потом озябшей, уставшей, но счастливой забраться на пахнущую пирогами русскую печь, прижать к себе мурлыкающего кота, лежать и слушать пенье ветра в печной трубе. И пусть за окном бушует вынога, сыплет снег по полям и дорогам, крепчают январтские морозы – в доме тепло и уютно и тоже стоит нарядная ёлка. Она, как и школьная, в основ-

ном украшена игрушками, сделанными своими руками. Когда открываешь дверь, игрушки на её ветках качаются от потока воздуха. И, кажется, что они оживают и начинается сказочный карнавал. И вот я подолгу смотрю на них – и мне хочется быть то царевной-лебедью, то весёлым зайчиком, то золотой рыбкой – чтобы исполнять любые желания...

– Спать пора! – говорит мать.

Я тут же ныряю в кровать, где уже сладко спит младшая сестра, и мгновенно засыпаю...

...Ночью какой-то шум будит нас.

Я открываю глаза и вижу, что мама с братом отодвигают кровать, на которой мы спим с сестрой, из угла ближе к середине избы. В глаза ярко ударяет свет от керосиновой лампы, висящей под потолком. На полу лежит большой, сделанный из дерюги, мешок, из которого выглядывает глазастая телячья мордашка.

– Это кто? – спрашиваю я спросонок.

– Кулёк! – улыбается старший брат. – Вы же днём на ёлочке получили кульки от Деда Мороза, а нам он сейчас принёс. Днём он детям кульки раздает, а ночью – взрослым. Ну как, нравится?

– Да-а, – тяну я, протирая заспанные глаза.

– А я щеночка хочу! – просит младшая сестра.

– Так были у Деда Мороза и щеночки, и курочки, и кролики, много всякой живности было. Всех разобрали, нам вот телёночек достался! – разводит руками старший брат.

Мать идёт в сарай, приносит охапку сена и бросает на пол в угол избы, затем кладёт на сено телёнка и, взяв сухую тряпку, вытирает его.

– Настоящий богатырь! – восхищается она и, обтерев, берёт подойнице. – Пойду, у Белянки молока попрошу, надо попоить его, чтобы скорее окреп.

Телёнок черно-пестрой масти с большой белой звёздочкой во лбу был ещё очень слаб. Он вставал на тоненькие ножки, силился бежать, но, сделав два-три шага, плюхался обратно в сено. Мать принесла молоко и, отлив немного в кастрюлю, поднесла к новорождённому. Тот не

понимал, чего от него хотят, шарахался в сторону от поднесенной кастрюли. Тогда мать пихнула в его рот свои пальцы, которые он тут же стал сосать, причмокивая. Мама осторожно опустила руку вместе с телячьей мордышкой в молоко, и телёнок, почувствовав вкус молока, с жадностью начал пить.

— А как мы его назовём? — спросила сестра.

— Так он же у нас кулёк новогодний. Я думаю, так и звать будем — «Кулёк», — предложил брат.

Я погладила телёнка по голове:

— Кулёчек ты наш маленький, хорошенъкий!..

А мать улыбнулась:

— Ну что, Кулёк, за ночь обсохнешь, окрепнешь, а утром мы тебя Белянке унесем в хлев — пусть и она порадуется.

СОДЕРЖАНИЕ

Никольск	5
Николай Гагарин.....	7
Юрий Зайцев.....	10
Леонид Лешуков.....	13
Ростислав Панов.....	18
Татьяна Пахолкова.....	22
Павел Сорокин.....	25
Виктор Цветков.....	30
Оксана Шпилько.....	35
Кичменгский Городок	37
Александр Бубнов.....	39
Татьяна Ветрова.....	40
Сергей Дорожковский.....	43
Лидия Дурягина.....	47
Татьяна Колосова.....	49
Татьяна Макарова.....	51
Галина Некипелова.....	53
Татьяна Смирнова.....	57
Подосиновец	59
Ольга Кузнецова.....	61
Татьяна Курдюмова.....	65
Надежда Мохина.....	67
Любовь Петухова.....	71
Олег Пинежанин.....	74
Валентина Скobelкина.....	77
Владимир Терентьев.....	81
Великий Устюг	85
Николай Алещинцев.....	87
Вера Багрецова.....	91
Тайлера Бологоva.....	95
Любовь Данилова.....	95
Андрей Клинов.....	100
Зинаида Кузнецова.....	103
Ольга Кульnevская.....	107
Юрий Опалев.....	110
Галина Плетнёва.....	115
Василий Ситников.....	117
Антонида Смолина.....	120
Елена Филимонова.....	125
Татьяна Ядрихинская.....	128

Литературно-художественное издание

ЗВЕЗДА ПОЮЖЬЯ
Литературный альманах

Выпуск № 13

Компьютерная верстка: Большакова И. С.
Дизайн фотографий: Пахолков С. А.

Подписано в печать 15.04.2015 Формат 60 × 84 / 16

Усл. печ. л. 8,75 Тираж 120 экз.

БУК ВО «Обласная универсальная научная библиотека»
160000, г. Вологда, ул. М. Ульяновой, д.1 т/ф (817-2) 21-17-69